Сирена

Автор:
Кира Касс

Сирена

Кира Касс

Ей говорили, что она смертельно опасна для людей!

Ей внушали, что она оружие! Прекрасное оружие.

Она постоянно слышала: «Ты не должна совершать поступков, которые могут выдать нашу тайну. Ты не должна завязывать близких отношений с людьми. Ты можешь общаться только с нами, избранными. Да, ты будешь одинока, но потом тебя ждет великая награда. Послушание и терпение – это путь, по которому уже прошли сотни прекрасных девушек, ставших сиренами»…

В течение нескольких десятилетий Кэйлен, следуя этим законам, жила в ожидании чуда и любви.

Но вот в ее жизнь ворвался Акинли, и правила потеряли для Кэйлен всякий смысл. Она перестала желать чуда в будущем, она захотела жить полной жизнью и любить сейчас…

Впервые на русском языке!

Кира Касс

Сирена

Посвящается Лиз – в ее честь надо петь песни, слагать стихи и писать книги

Kiera Cass

The Siren

Copyright © 2009 by Kiera Cass

All rights reserved

© И. Колесникова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА

Глава 1

Когда тебе хочется плакать, это не всегда возможно. Выплакаться так, чтобы получить хоть какое-то облегчение, – это роскошь. То же самое относится к песням и смеху, к нашептанным другу на ухо признаниям.

Я всегда принимала такую ситуацию как должное. Да и откуда мне было знать, что в мире, где я когда-то жила, даже пожелание доброго дня может вызвать невообразимую катастрофу?

По щеке скатилась одинокая слеза. Я уставилась в окно второго этажа в доме, где мы временно обитали. Внизу, по вымощенной булыжниками мостовой,

неторопливо шла молодая пара. Чуть старше меня. Вернее, меня восемь лет назад. Сильно загорелая девушка блистала красотой, хотя в чертах ее лица не было ничего особенного. Нет, просто она знала, как выглядит в глазах спутника. Юноша – не менее загорелый – ласково держал ее за руку. Не останавливаясь, он заглянул в глаза подруги, поднял ее руку и поцеловал с готовностью подставленные пальцы.

Что они чувствовали?

Я вытерла слезу, закрыла глаза и представила. Солнце ласкает мои каштановые волосы, крупные локоны подскакивают с каждым шагом. Пальцы созданного моим воображением безликого мужчины слишком крупные, чтобы уютно расположиться между моими. Но, пока он держит меня за руку, я не ощущаю неудобства от широко расставленных пальцев. Я чувствую лишь касание его кожи. Бессознательно я с радостью повторяю его движения. Неожиданно руки

касаются теплые, знакомые губы. Я отвечаю улыбкой.

Звук приближающихся шагов Мэрилин вырвал меня из наваждения. Я еще раз промокнула глаза, чтобы не оставить ни малейшего следа слез. Мэрилин и так переживала за меня, нельзя, чтобы она заметила грусть. Я закрыла окно, и мы остались наедине.

– Ты в порядке? – останавливаясь рядом, спросила Мэрилин. Ее рука, влажная и прохладная, как и моя собственная, коснулась моего лба.

– Все отлично. – Я широко улыбнулась и пожала плечами, словно и представить не могла причину для грусти. Мне часто пригождался актерский талант. Я не всегда использовала его по отношению к сестрам, но порой ничего другого не оставалось.

– Ты слышала Ее сегодня? – спросила Мэрилин.

Вот почему она искала меня – передать слова покровительницы.

– Кажется, да. Утром, правильно?

– Да. И что Она сказала?

Мэрилин лучилась от радости. И как только устоять перед подобным энтузиазмом? Я вздохнула и попыталась припомнить точные слова, поскольку ужасно боялась ошибиться.

– Ну… кажется, Она сказала, что остался еще день или два, что Она все еще ждет, но пора прислушиваться? – неуверенно промямлила я.

– Отлично! Браво, Кэйлен, прямо в точку. Неужели прошло целых восемь лет? Ты уже должна слышать Ее отчетливо. А сейчас, когда я уеду, тебе нужно держаться поближе к морю. Так Ее лучше слышно, и ты быстрее сможешь до Нее добраться. К тому же у тебя будет достаточно времени, чтобы посмотреть дальние уголки мира.

Возразить было нечего. Времени у меня в избытке. Мэрилин улыбнулась и побежала на кухню. Я получила передышку.

Характер Мэрилин полностью соответствовал ее рыжим волосам. Но, насколько я понимала, пылкость сестры не была врожденной, поэтому из нас получилась хорошая пара. Обычно я отличалась жизнерадостностью, хотя последние годы все чаще пребывала в мрачном настроении. Близость сестры меня радовала, но все же я не могла избавиться от чувства изолированности.

Хотелось бы, чтобы мой круг знакомств не ограничивался единственным человеком во всем мире. Вернее, двумя, но, как ни крути, Эйслинг так и не стала частью моей жизни.

Но дружить с кем душа пожелает – это не для меня.

Я не помнила имен, но точно знала, что когда-то имела множество друзей. И семью. Голоса давно стерлись из памяти, но перед глазами четко вставала картина, где мы сидим за обеденным столом и разговариваем. Меня саму удивляла боль, которую я испытывала от недостатка множества простых вещей. Но в большинстве случаев сердечные порывы притуплялись серостью ежедневного безмолвного существования.

Мне объяснили правила. Все, что необходимо, – это подчиниться, выполнять свой долг, внимать Ей, и тогда все мои мечты осуществятся. Меня будут держать за руку. Целовать в лоб. Я смогу жить, как захочу. Надо лишь подождать.

Ожидание превратилось в пытку.

Но тишина изматывала еще больше.

Хвала богам за присутствие Мэрилин. Она была не только хорошей собеседницей, но и бездонным кладезем мудрости. Ее срок подходил к концу, так что Мэрилин точно знала, как расплачиваться за долги и хранить тайну. Главная хитрость заключалась в том, чтобы не совершать ошибок. В противном случае все теряло смысл. Пока мы мотались по Южной Америке, она твердила это постоянно. Я уже не знала, в какой мы стране, ведь за последнее время их сменилось так много. Но когда Мэрилин объяснила, что сразу возвращаться в Америку глупо, я попросила поехать в место, где много красок.

Здесь все переливалось цветом. Деревья светились зеленью, а небо было невиданной доселе синевы. Люди вокруг тоже поражали изобилием красок. В Огайо меня окружала белая толпа со значительными вкраплениями черного, но здесь кожа прохожих отливала коричневым, мокко, медом и оливой. Я даже не знала, что существует столько оттенков кожи.

Сейчас мы заняли дом, где когда-то жило семейство с полудюжиной дочерей. Так что нам повезло найти одежду. И хотя мы не могли прочесть развешанные по дому записки, разгадать доносящиеся через открытые окна слова не составляло труда.

Мы никогда не сталкивались с языковым барьером, поскольку не говорили на языке, но всегда его понимали. Мэрилин, например, родилась в Англии, но в разговорах с ней я никогда не замечала акцента. Я не говорю, что его не было, – просто мои уши его не улавливали. Единственной подсказкой о ее национальности и эпохе были проскальзывающие время от времени фразы. Иногда я задумывалась, как звучал для нее мой голос, – возможно, он доходил до ее ушей с британским акцентом.

Но это лишь часть того, что с нами происходило. Наверное, причина заключалась в том, что сестры принадлежали к разным национальностям. А нам было

необходимо понимать друг друга, хотя бы потому, что мы не видели никого другого. Когда мы пели, звуки несли в себе столько языков, что понимание казалось естественным. Должно быть, мы впитали все существующие на земле диалекты. Но я могла и ошибаться, ведь я не задавала вопросов.

Может, все дело в том, что наши голоса больше нам не принадлежали.

Мэрилин вернулась из кухни с миской, полной фруктов. На ходу она медленно жевала кусочек дыни, от души наслаждаясь вкусом. Я понимала ее желание. Никто не знал, доведется ли еще Мэрилин попробовать пищу из этого уголка мира после того, как она нас покинет. Будет ли сестра скучать по ней, сама не зная, чего хочет?

Я любила Мэрилин. Любовь давалась легко. С самого начала сестра казалась ранимой и честной, что помогло мне приспособиться к новой жизни. Мэрилин не скрывала от меня своих трудностей, а я в ответ не прятала своих.

Мэрилин стала сиреной в семнадцать. Она обнаружила, что жених ей изменяет. Когда я говорю «обнаружила», я не имею в виду дошедшие сплетни или случайно найденную любовную записку. Мэрилин пришлось пережить более глубокую травму: она наткнулась на любимого мужчину в постели с другой женщиной. Причем он даже не извинился. Просто велел Мэрилин убираться, под смех своей любовницы.

Она была слишком молода, чтобы понять, как поступить дальше. Она чувствовала себя преданной, нежеланной, стыдилась произошедшего и даже подумать не могла, как сообщить об этом своей или его семье. Обманутая невеста привязала к ногам камень и бросилась в Океан в надежде, что тело навеки затеряется в пучине. Если подумать, то веса одного лишь ее платья хватило бы, чтобы никогда не всплыть на поверхность.

Но, погружаясь под воду, Мэрилин осознала глупость собственного поступка. Это не она повела себя гнусно, а жених! Не ей следовало страдать, а ему! Девушку охватило раскаяние. Она отчаянно жалела, что оказалась слаба и упустила возможность прожить жизнь достойно, всем сердцем она пожелала остаться в живых.

И Океан услышала ее мольбу.

Все родные считали Мэрилин мертвой. У бывшего жениха развязались руки, и он женился на своей любовнице, хотя и без особой охоты.

Поначалу сложно отдалиться от семьи и знакомых, поэтому мы уезжаем в чужие края. Конечно, мы скучаем по тем, кого оставили, но гораздо хуже осознавать, что они горюют без причины. Мы по-прежнему тут и гораздо сильнее, чем были раньше. Наши тела крепче, чем при жизни.

Но ничего не поделаешь. Правила. Через какое-то время уже не к кому возвращаться. Становится немного легче, но в то же время и тяжелее.

Единственным напоминанием о прежней жизни было помолвочное кольцо Мэрилин. Она хранила его, чтобы стать спокойнее, храбрее и лучше.

Моя история немного отличалась от трагедии сестры. Я многое позабыла, но уверена, что умерла в 1921-м. В июне.

– Куда думаешь переехать, когда я уеду? – как бы невзначай поинтересовалась Мэрилин.

Я ненавидела подобные разговоры. Конечно, я радовалась за нее, но не представляла, как справляться с одиночеством, еще более глубоким, чем сейчас.

– Еще не думала. Может, останусь в здешних краях, мне здесь нравится. Грустно жить одной, но вряд ли я смогу ужиться с Эйслинг. – Под конец я закатила глаза.

Мэрилин рассмеялась. Смех оказался заразным, от звонких трелей тело наполнилось легкостью. Вместе с вырвавшимся на свободу голосом испарилась и тоска от подглядываний за молодой парой.

Если Мэрилин всегда отличалась жизнерадостностью, то Эйслинг, нашу вторую сестру, переполняла горечь. Она глубоко сожалела о жизни, которую приходилось вести, но не нашла в себе смелости перечить Океан, чтобы разорвать уговор. Эйслинг предстояло научиться еще многому – меньше, чем мне, но гораздо больше, чем Мэрилин. Мэрилин покинет нас в течение года, и я буду отчаянно скучать без нее. Эйслинг держалась замкнуто, и мы виделись только тогда, когда Океан созывала нас вместе. С последней службы прошло

более года. Я не ждала ничего хорошего от следующей встречи.

Безусловно, Эйслинг была очень красивой. Блондинка с бледной кожей и утонченными чертами. Мэрилин как-то обмолвилась, что наша сестра родом из Швеции, но проверить ее слова я никак не могла. Все мы обладали изысканной грацией, но Эйслинг намного нас превзошла. У нее и Мэрилин, у обеих, были роскошные голубые глаза, сверкающие, как сапфиры, на безупречном лице. И стоило заглянуть в эти глаза, как что-то в их загадочной глубине заставляло томиться о неведомом. Тем не менее Эйслинг отличалась дурным характером. Думаю, всему виной наше неудачное знакомство – оно оставило ужасное впечатление. Внешность Эйслинг привела меня в восхищение, которое не продержалось и пяти минут.

– Заканчивай рыдать, все равно ничего не изменишь, – заявила она.

– Эйслинг, если собираешься так себя держать, лучше уйди, – предупредила Мэрилин.

– Так и сделаю. Столько шума, мне нужно передохнуть. Рада познакомиться.

Последние слова были адресованы мне, словно Эйслинг ожидала, что после ее ухода я сдамся и ей больше не придется меня видеть. Видимо, она быстро забыла, как себя чувствовала, когда настал ее черед. Ненависть – сильное чувство, но, думаю, я не ошибусь, если скажу, что ненавидела Эйслинг.

– Вряд ли тебе хватит на нее терпения, – согласилась Мэрилин.

Мне показалось, что она едва не подавилась кусочком дыни, хотя это было невозможно.

– Но я могу быть терпеливой! Ведь я хорошая соседка, разве нет? – Как бессмысленно и виновато прозвучали мои слова! Все равно я не выносила Эйслинг. Но мне хотелось покапризничать. Сегодня я ощущала себя подростком.

– Конечно, дорогая. О такой соседке можно только мечтать. Но я жила с Эйслинг, и она едва не свела меня с ума.

– Когда? И почему ты жила с Эйслинг? – Одна только мысль об этом вызывала у меня отвращение.

– В самом начале, как и ты. Только все получилось по-иному. Я и недели с ней не протянула. Ты подумай: впереди многие годы, а мы не смогли ужиться несколько дней. Представь, если бы я бросила тебя одну в первую неделю?

– О, я бы совсем растерялась! – содрогнулась я. – Почему она не захотела остаться с тобой?

– Не думаю, что дело только во мне. Видимо, она хотела остаться одна. Эйслинг ясно дала понять, что не хочет все время находиться под наблюдением. Она кричала и устраивала истерики, когда я подходила слишком близко или много говорила. Ей это не нравилось. – Мэрилин передернула плечами, отгоняя воспоминания.

– И что ты сделала?

– Ушла. Чего Эйслинг и добивалась. Она попросила меня объяснить все еще раз и затем заявила, что будет жить рядом с Океан и спрашивать Ее, когда понадобятся услуги, пока не научится сама все понимать. Она упряма как осел! – со смехом заключила Мэрилин.

Я подхватила смех:

– Как ты думаешь, кому больше не терпелось расстаться?

– Мы обе устали друг от друга. Я терпела до последнего, честно. Но мы разъехались, и обеим стало легче. Не знаю, пытались ли когда-нибудь сестры избавиться от напарницы, но мы едва не убили друг друга.

Мысль о попытке уничтожить одну из сестер могла вызвать лишь смех. Даже не знаю, с чего начать в подобном случае.

– Серьезно, однажды я разбила о ее голову тарелку! – закивала Мэрилин.

– Что?! – вырвалось у меня, и мы снова закатились смехом.

– Эйслинг меня обозвала, уже не помню как. Я схватила тарелку и ударила ее по голове. Конечно, вреда я ей не причинила, но, уверена, Эйслинг поняла мои чувства.

Только Мэрилин могла додуматься до такого. Я ее обожала. Как же я буду скучать!

Я вбирала в себя счастливые, наполненные смехом моменты. Прекрасный интимный звук. Недавно я обнаружила, что вздохи не вредят людям – например, смешок с придыханием, – но если к звуку примешиваются капли наших голосов, жди проблем. Вздохи, шмыганье и фырканье – все это не обладает большой силой. Но смех, разговоры, плач и даже шепот заключают в себе особую музыку. Их следовало хранить. Так что мы увязали их в плотный узел и только потом шагнули за порог.

Я всегда отчаянно жаждала впечатлений, чтобы отвлечься от мыслей, становилась собой, только когда чем-то занималась. Прогулявшись по пляжу, я почувствовала себя лучше. Молодые люди свистели нам вслед. Должно быть, в их глазах мы выглядели экзотично. Рыжие волосы Мэрилин и моя светлая кожа сразу выдавали в нас нездешних.

Иногда в начале ночи, вдали от посторонних глаз мы с Мэрилин погружались в приливные волны. Наверняка Океан чувствовала мое недоверие, но ничем себя не выдавала. Здесь, в средних широтах, вода всегда была теплой и кишела жизнью. Рядом грациозно проплывали рыбы; казалось, они пританцовывают в своем подводном мире. Чуть дальше, за той границей, куда побаивались заплывать купальщики, песок уступал место изрезанным камням, покрытым тонкими прядями водорослей. Они приветственно помахивали, когда я проплывала мимо. Там я задерживалась и наслаждалась сменой пейзажа, лежа под водой на спине. Сквозь призму набегающих волн луна дрожала и подмигивала, и я ощущала сокровенную правду жизни: мы все зависим от Нее.

Но сейчас было слишком рано и слишком светло для подобных вылазок. Поэтому мы последовали примеру местных жителей: нашли играющую во дворике группу и остановились послушать. Мне нравилась здешняя музыка, такая свежая. Мы присели на скамью на краю дворика и стали наблюдать. Люди отдыхали в креслах, навес над головой защищал их от солнца. Повсюду пестрели цветы, наполняя воздух ароматом. Я все еще находила подобное окружение

экзотическим. Музыканты носили одинаковые кремовые рубашки, но выглядели крайне неформально, как и все вокруг.

Несколько пар танцевали под музыку. Дети собрались в круг и прыгали, держась за руки. Пожилой мужчина танцевал с юной девушкой – должно быть, внучкой. Я слышала, как он тихонько сказал ей, что она самая красивая девушка на свете. Я радовалась, что сидела близко и слышала его слова. Никто не приглашал меня на танец, так что пришлось довольствоваться малым. Я взяла Мэрилин за руку и потянула в круг. В конце концов я заставила сестру встать, и тут мы обе услышали Ее.

Легкий бриз разносил Ее голос. Я только недавно научилась слышать его, как Мэрилин. Но послание отличалось от утреннего. Если я правильно разобрала, Она сказала что-то о Японском море и новой сестре. Следовало торопиться.

Мы с Мэрилин переглянулись. Здесь мы говорить не могли, но послание казалось странным. Новая сестра? Очевидно, на замену Мэрилин, но я еще многого не знала. Не было времени подумать, что все это означает.

Мысли моментально переключились в серьезное русло. Я перестала быть танцующей под тентом девушкой и стала сиреной. Меня ждала работа. Я должна повиноваться Ей.

Естественно, мы не могли нырнуть в Океан на глазах у всех. Ведь мы не собирались выныривать, а исчезновение в водах наверняка вызвало бы смятение. Поэтому мы с Мэрилин ринулись бежать по берегу в поисках пустого отрезка пляжа, взметая в воздух кучки песка. Головы поворачивались нам вслед. Позаимствованные ярко-желтые с розовым юбки развевались на ветру. Я увидела, что Мэрилин незаметно сворачивает к воде. Когда ноги ее коснулись волн, я услышала послание: мы спешим, но вокруг слишком много свидетелей.

Люди на пляже разговаривали по-испански, но каждый слог доносился до меня с кристальной ясностью.

– Только глянь, как бегут эти девушки!

– Классные ножки!

Мы не обращали на них внимания и продолжали бежать без остановки. Мы не нуждались в воздухе, и одним из преимуществ было то, что мы никогда не задыхались. Дыхание осталось скорее привычкой, чем необходимостью.

Наконец-то бесконечная линия песка изогнулась. Я начинала волноваться. Океан знала, что мы спешим, но новая сестра – нет. Оставалось лишь надеяться, что она продержится несколько секунд, пока мы доберемся до нее. Впереди показалась группка деревьев, закрывающая небольшой участок пляжа, и мы с Мэрилин остановились, чтобы бросить вокруг последний взгляд и убедиться, что нас никто не видит. Затем мы без промедления прыгнули в воду.

Нельзя сказать, что мы плыли, особенно когда Она указала нам конкретное место. Скорее, нас несло вперед. Слабое человеческое тело сломалось бы от напора, но меня каждый раз охватывало ощущение, схожее со щекоткой. Обычно такие перемещения пугали меня, ведь я знала, что вот-вот приму участие в своеобразной бойне. Я пыталась утешиться сознанием, что не мне нужны их жизни. Но одновременно с тревогой я ощущала странный прилив силы. Для некоторых людей я стану последним, что они увидят и услышат в своей жизни, и в том и в другом смысле я буду невыносимо прекрасна.

Пока мы плыли, одежда распалась на нитки. Думаю, все дело в скорости. Пуговицы и застежки-молнии выдержали испытание, но без поддержки ткани опустились на дно крохотными камешками. Помолвочное кольцо Мэрилин выдержало удары без малейших признаков вреда. Я же попала в этот мир без украшений, на которых можно было бы проверить силу моря.

Когда мы пели, пропадали все признаки места и времени. Мы становились одним целым, ровней. По мере того как с нас соскальзывала одежда, Океан выпускала накопившуюся в венах соль. Крохотные частицы лепились к нашим телам, создавая длинные, развевающиеся платья. Они походили на морскую пену. Легкие, переливающиеся наряды всегда выглядели чуть по-иному. Цвета воздавали Ей должное, все оттенки зеленого, голубого и песочного – радуга Ее сущности. Мы просто купались в них. Чудесные платья дарили ощущение безвременья и чувственности. Если подумать, единственная отрада, которую я находила в своем теперешнем существовании.

Иногда я носила платье, пока оно не исчезало. Оно растворялось постепенно, по крупинке, и я с грустью наблюдала, как растет на полу горстка морской соли. Я обожала эти наряды. А любой мужчина, увидев нас стоящими в открытом море, в

развевающихся платьях, моментально забывал, что готов совершить безумный поступок. Когда мы прибывали к месту назначения, обнаженная кожа переливалась от кристалликов соли. А стоило нам запеть, устоять не мог никто. Скрывающуюся под красотой опасность замечали слишком поздно.

Океан была полна опасностей. Ранее я, как и остальное человечество, считала, что худшее – это айсберги или ураганы, одним словом, природные катастрофы. Но на самом деле их в большинстве случаев можно избежать. Подлинная опасность крылась в голосе, спрятанном под моей прочной кожей.

Взять, к примеру, «Титаник». Газетные заголовки приписали гибель корабля встретившейся на пути глыбе льда. Я же считала, что в ней виноваты Мэрилин и Эйслинг, именно они песней заманили лайнер на опасный курс. Задолго до того, как обломки нашли люди, я сама отправилась на их поиски. Мэрилин отказалась меня сопровождать, так что пришлось искать в одиночестве. Я провела в новой жизни всего несколько месяцев, еще ни разу не топила корабль и не могла понять ее отказа. И даже не предполагала, как долго будет преследовать меня увиденное. Океан легко, даже с нежностью перенесла меня к месту крушения. Меня удивила заботливая готовность, с которой Она откликнулась на столь странную просьбу. Я побаивалась Ее, но любопытство пересилило.

Я ожидала благоговения, но ошиблась. Мне открылось ужасающее зрелище.

Корабль разломился пополам, и все вокруг было усыпано обломками. Меня влекло к нему знаменитое имя, занимаемое в мировой истории место. Но я увидела беззвучное кладбище из металла и мусора. Фарфоровая кукла. Пара туфель. Обеденная тарелка. Внезапно я осознала, что, если осмотреть Океан, я найду остатки и своего корабля. И принадлежавшие мне вещи так же рассыпаны по песку. Это не эксперимент в кораблестроении. Не броский заголовок в газете. Это то, что осталось от человеческих жизней, и мы приложили руку к их гибели. Один из сотен ненайденных призрачных городов, разбросанных по дну моря.

Но сегодня мы не планировали творить разрушения. Сейчас мы торопились на помощь к незнакомой пока подруге. Интересно, сколько ей лет? Откуда она родом? И как оказалась в этом положении? Следом возникали более серьезные вопросы. Если Океан требовалась пища, как Она сообщила нам утром, то почему Она пощадила эту девушку? Океан должна была услышать вопрос в моих мыслях, но не торопилась с ответом. Меня же беспокоило, что вода вокруг, казалось, потеплела от моих размышлений.

Я могла бы поговорить с Ней так же, как это делала Мэрилин, но не хотела настаивать. А при первом же взгляде на крохотную фигурку я поняла невысказанные причины. Мы подплывали к берегу, едва освещенному солнцем, и я разглядывала нашу новую сестру.

Она была красива. Потрясающе прекрасна. Настолько хрупка, что казалось, будто она вот-вот разобьется. Девушка сидела, обняв колени руками. Черные волосы доставали до плеч, тонкие черты лица и темные глаза светились спокойной красотой. И я тут же предположила, что пение сделает эти черты просто неотразимыми. Девушка тихо плакала, и мы с Мэрилин осторожно, стараясь не потревожить девушку, выбрались из волн. Не хотелось пугать ее.

Эйслинг еще не было. Думаю, она намеренно опаздывала. Ну и хорошо, учитывая, как она в свое время поприветствовала меня. Я подошла к девушке, стараясь двигаться не слишком быстро. В ее глазах плескался страх, но он мешался с восхищением. Я прекрасно ее понимала.

Я совсем разучилась разговаривать с людьми, так что подпрыгнула от неожиданности, когда Мэрилин обратилась к девушке:

– Как тебя зовут?

– Миака, – ответила девушка. Она всхлипнула, и голова непроизвольно дернулась.

– Миака, не надо бояться. Мы тебя не обидим. Наоборот, мы пришли помочь.

Мэрилин сейчас напоминала заботливую учительницу начальных классов. Девушка смотрела на нее с опасением, и я не винила ее.

– Вы ангелы? – спросила Миака.

Мы с Мэрилин с трудом подавили смешок. Платья, сияющая кожа и исходящая от нас аура – да, возможно, мы походили на ангелов.

– Нет, – покачала головой Мэрилин. – Ты не умерла, а мы не ангелы.

– Не понимаю. Я умирала и чувствовала это. Не могла дышать.

Слова девушки принесли с собой воспоминание.

С невероятной отчетливостью в памяти всплыла та первая и последняя секунда, когда все изменилось. Я вспомнила, как болели от борьбы с водой мускулы, а легкие горели от давления. Снова услышала зовущий из темноты призрачный голос. Небольшой темный водоворот с силой протолкнулся мне в рот, а онемение прогнало вкус боли. Я почувствовала себя в воде, как в родной стихии, и поняла: что-то произошло.

– Да, ты умирала, – ответила Мэрилин. – Но попросила оставить тебя в живых, правда?

Миака потрясенно уставилась на нее:

– Да! Да! Я умоляла оставить меня в живых, и тут услышала голос. Я думала, что предки зовут меня домой.

Мэрилин продолжала попытки ее успокоить:

– Ты выжила. Тебе дали второй шанс, Миака.

– Я жива? Вы уверены? Я должна чувствовать боль, но ее нет. И вы похожи на ангелов. Наверное, я все же умерла. – Последнюю фразу она пробормотала под нос и замолкла.

– Нет, милая Миака, ты выжила, – вмешалась я.

Она мне уже нравилась. Такая маленькая и в таком отчаянии. Я позабочусь о ней, ей нужен кто-то вроде меня. Пока я не знала, меняются ли сестры, но я не допущу, чтобы Эйслинг забрала у меня Миаку. Мы с Мэрилин будем приглядывать за ней.

Девушка внимательно всматривалась в наши лица в поисках обмана. Когда она подняла голову, меня восхитила ее красота. И охватило подозрение, что Миаку часто недооценивали. Она долго наблюдала за нами, но честные взгляды

убедили ее в нашей искренности.

– Я жива? О… Это чудесно! Спасибо! Благодарю вас! – пискнула она. Видимо, Миака решила, что мы каким-то образом приняли участие в ее спасении. – Вы мне поможете? Отвезете меня к отцу?

У меня перехватило горло. Тоска в ее голосе стала моей. Я успела позабыть многие подробности, но знала, что один из моих братьев выжил. Я часто хотела подглядеть, как он живет, но не знала, какие последствия может вызвать даже такая мелочь, не навлеку ли я беды. А рисковать я не могла.

– Нет, – просто ответила Мэрилин.

– Но… он же будет беспокоиться обо мне. Я упала за борт, когда рыбачила с братьями. Я не умею плавать. Обычно я веду себя осторожнее. Они не видели, как я упала, а мне не хватало дыхания, чтобы позвать на помощь. Но они догадаются. Я даже не знаю, где они сейчас.

– Они очень далеко, Миака. И ты не можешь вернуться к ним. Прости, – ласково, но твердо ответила Мэрилин.

– Почему? – У девочки вытянулось лицо.

– Мы не обманывали, когда сказали, что ты выжила. Ты попросила вернуть тебе жизнь, и ты получила ее, но за определенную цену. За второй шанс надо платить.

– Да уж… – За ее спиной появилась Эйслинг. – Я что-то пропустила?

– Здравствуй, Эйслинг, – откликнулась Мэрилин. – Познакомься с нашей новой сестрой. Ее зовут Миака. – Она жестом указала на девушку, и я увидела, как заметались глаза Миаки при слове «сестра».

– Здравствуй, Миака, – без особого интереса протянула Эйслинг.

– Мы как раз собирались рассказать ей про новую жизнь. Не возражаешь, если я продолжу?

– Зачем попусту тратить время? Не похоже, что она долго протянет. Ставлю на… мм… три дня. Максимум пять. – Эйслинг развернулась и устремилась прочь. Слова предназначались Миаке, но ранили меня.

– Не слушай ее, – прошептала я девушке.

В любом случае ей следовало волноваться совсем о другом.

– Эйслинг, сделай что-нибудь полезное, постой в прибое, – твердо произнесла Мэрилин.

– Ладно.

Эйслинг подошла к линии берега. Она станет нашей связью с Океан, так что мы снова повернулись к новой сестре.

– Миака, – начала Мэрилин. – Эйслинг, Кэйлен и я – сирены. Ты раньше слышала о сиренах? – (Девочка покачала головой.) – Мы певицы. О нас слагали легенды. Было время, когда люди в нас верили или, по крайней мере, подозревали о нашем существовании. Но сейчас мы тайная община сестер, укрытая от глаз остального мира. Мы принадлежим Океан. Видишь ли, Она очень велика, а ее дары Земле бесконечны. Чтобы набраться сил и поддерживать жизнь на нашей планете, Она должна есть. Мы поем для Нее и помогаем Ей насытиться. Это случается нечасто, но это наша обязанность, и тебе придется ее исполнять, если решишься.

Я наблюдала, как в голове Миаки проворачиваются вопросы, и гадала, какой станет первым.

– Что ест Океан? – спросила она.

– Людей, – тихо ответила я.

– Людей?! – потрясенно переспросила девушка.

Ее лицо съежилось от страха, из груди рвались испуганные всхлипы.

Мэрилин среагировала мгновенно:

– Да, но мы нечасто Ей помогаем. Раз в год, может, реже. Люди постоянно погибают в море, и этого хватает. Я пыталась убить себя, а ты утонула случайно. Но когда таких смертей недостаточно, мы помогаем Ей.

Миака переваривала услышанное. Темные, ониксового цвета глаза стреляли по сторонам, видимо, в поисках вопроса или в ожидании следующего объяснения. Непросто вдруг обнаружить, что мир что-то от тебя прятал.

Девушка вела себя намного сдержаннее меня. Я запиналась, перебивала и размахивала руками. Миаку, очевидно, с детства приучили вести себя сдержанно. Когда она поняла, что получила передышку, то подняла глаза на Мэрилин и приготовилась задать один из десятка терзающих ее вопросов. Я бы не назвала ее спокойной, но, по крайней мере, Миака не устроила истерику.

– Ты сказала… Ты сказала, если решусь. А если я откажусь?

А вот я такого вопроса не задавала. Миака поверила раньше меня, – возможно, она просто умнее.

– Прости, Миака, но если ты не станешь одной из нас, нам придется отдать тебя Океан. Ты должна была умереть несколько минут назад, так что у нас не будет иного выбора, кроме как отдать тебя Ей. Но если ты решишь остаться, мы объясним, как тебе жить дальше, – ласково продолжала Мэрилин.

Я молилась, чтобы Миака осталась с нами. Мне хотелось жить с ней! Я не смогла бы ослушаться Океан, если бы та попросила меня затащить девочку в воду, но я не знала, смогу ли сделать это собственными руками. Оставалось надеяться, что на наших лицах ясно читалось, как мы ей рады. По крайней мере двое из нас.

– Иди в воду, милочка, все равно ты долго не продержишься, – бросила Эйслинг. Она бесцельно бродила в набегающих волнах и выглядела совершенно равнодушной.

Я бросила на сестру злой взгляд. Вот ей бы я не задумываясь причинила боль.

– Послушай, – негромко обратилась я к Миаке, – не дай Эйслинг задеть себя. Тебе не придется часто с ней видеться.

Девушка посмотрела на меня. Наши взгляды встретились. Я знала, что мной движет жадность, но Мэрилин вот-вот уйдет, нас останется всего двое, и я хотела, чтобы Миака стала моей подругой. Я улыбнулась в надежде, что она почувствует мою симпатию. Миака перевела взгляд с меня на Мэрилин.

– Тебя зовут Мэрилин, правда? – спросила она. Сестра кивнула. – Прежде чем сделать выбор, могу я узнать, на что будет похожа моя жизнь?

– Конечно. – Мэрилин набрала воздуха и повторила слова, которые изменили мой мир восемь лет назад. – Если присоединишься к нам, тебе придется оставить все позади. Ты никогда не сможешь вернуться к своей семье. Ты станешь четвертой сиреной – именно столько нас может существовать одновременно, не больше. Пока Океан не нуждается в наших услугах, мы можем жить, как нам заблагорассудится. Тебе придется сделать несколько уступок, но я расскажу о них позже. Можешь жить одна, как Эйслинг, но вначале лучше держаться поближе к сестрам. Твое тело будет заморожено. Пока мы остаемся сиренами, мы не старимся, не болеем и не можем умереть. Когда срок службы заканчивается, все естественные процессы просыпаются и время снова получает над нами власть. Тогда мы можем выйти замуж, завести семью, делать, что захотим. Сейчас наши жизни полностью принадлежат Океан, но потом мы снова берем судьбу в свои руки. И мы будем иметь преимущество перед обычными людьми, поскольку у нас есть время, чтобы довести себя до совершенства. Считай, что это подарок. Твой характер тоже изменится к лучшему. Я, например, сейчас намного храбрее, чем была. Когда я покину эту жизнь, я, возможно, забуду о событиях, которые меня изменили, но не потеряю новые черты, ведь служба Океан лишь часть меня. А до того времени ты должна хранить наш секрет. В целом это означает, что ты не можешь вступать в близкие отношения с людьми. Помимо того что они старятся, пока ты остаешься молодой, ты не сможешь разговаривать с ними. Твой голос будет зазывать их в воду и заставлять утопиться. Это наша сущность. Даже если рядом нет водоема, они могут сунуть голову в раковину. Ты можешь разговаривать с нами, и ты всегда будешь способна понимать Океан, но для людей ты смертельно опасна. Ведь мы, по сути, оружие. Прекрасное оружие. Не стану лгать, мы ведем одинокое существование, но, когда твой срок закончится, ты получишь новую жизнь. То, во что ты вырастешь сейчас, пропитает всю твою сущность, страсть останется с тобой. От тебя пока что требуется лишь послушание и время, – заключила

Мэрилин.

Миака внимательно слушала ее речь. Я завидовала ее хладнокровию. Она побывала на пороге смерти, потеряла всех родных и узнала, что является орудием убийства. При этом сохранила здравый рассудок. Блестящие в глазах слезы не мешали ей усиленно обдумывать положение.

Миака оказалась храбрее меня, ведь она всерьез размышляла, отдаваться ли Океан. С каждой секундой я все сильнее волновалась, что Миака прислушается к здравому смыслу и решит, что даже смерть лучше, чем подобное существование. Я пыталась мысленно убедить ее остаться. Девушка посмотрела на Мэрилин и собрала волю в кулак, готовясь задать самый насущный вопрос.

– Насколько? – спросила она.

– Сто лет.

Миака снова задумалась. Я гадала, о чем она размышляет. Меня в ее ситуации обуревали эмоции, вытесняя все мысли. На берегу воцарилась долгая тишина.

Даже Океан терпеливо ждала ее решения. Миака на миг прикусила губу и наконец подняла глаза:

– Я не боюсь умереть. Я не хочу причинять людям боль. Но я хочу другой жизни, отличной от прежней. – Она решительно встала. – Я остаюсь и стану одной из вас.

Эйслинг не отреагировала. Мэрилин вздохнула с облегчением. А я ринулась к Миаке и заключила ее в объятия. Девушка не возражала.

– Добро пожаловать в нашу сестринскую общину.

Глава 2

Я держала Миаку в объятиях, покачиваясь из стороны в сторону. Девушка засмеялась. Смех звучал тихо, будто с трудом вырывался наружу.

– У меня никогда не было сестры, – проговорила Миака.

– У меня тоже.

Что за чудесный день! Хотя порой моя жизнь становилась невероятно жестокой, сейчас, когда я обнимала новую сестру, мне было хорошо. Простота посреди хаоса. У меня появился кто-то, кого можно любить! Еще никогда я не чувствовала к Океан такой благодарности.

Но ликование было прервано Ее вымученными указаниями. Следовало действовать, незамедлительно. Глядя на окружающую Эйслинг воду, я видела первые признаки. Обычно гладкие, словно шелковые, волны походили на сироп и с трудом доползали до берега. Гребни выглядели тяжелыми и низкими. Океан так долго не протянуть, а зависящим от нее людям и подавно. Если мы ничего не предпримем, Она не выдержит.

– Ты слышала Ее? – спросила я Миаку.

– Что-то слышала, только не знаю что.

– Это Океан. Сейчас Ее речь кажется тебя невнятной, но со временем ты начнешь Ее понимать.

– Это были слова?

– Да, – коротко ответила Мэрилин. Никто не ставил под сомнение ее превосходство в понимании Океан, и сейчас сестра перешла на деловой тон: – Нет времени объяснять. Жаль, что так получилось, но нам пора. Время и так подходило, но боюсь, что, отпустив тебя, Она только разожгла аппетит.

– Сейчас! – вскрикнула Миака. – Но я даже не знаю, что делать. Совсем ничего не знаю!

– Все, что от тебя требуется, – это следовать нашему примеру. Совсем несложно, нужные знания и так уже внутри тебя.

Слова Мэрилин испугали девушку. Она обхватила руками живот, словно почувствовала, как внутри растет неведомое существо. На самом деле если внутри нас что-то и существовало, то располагалось оно скорее в легких.

– Мы отправляемся на юг Индийского океана. Почти рядом с Антарктидой. Ты еще молода и можешь продрогнуть, но холод не навредит тебе. Ничто не может тебе навредить. Просто делай, как мы.

С этими словами Мэрилин подошла к морю. Мы с Миакой остались стоять, а Эйслинг уже ожидала по пояс в воде.

– Давайте поторапливаться, – недовольно протянула Эйслинг. Только ей одной не терпелось приняться за ужасную работу.

– Держись рядом с нами. – Я положила руки на плечи Миаки. Сама не знаю, откуда взялась у меня полная уверенность в себе. – Океан отнесет нас, куда нужно. Не думай ни о чем. Когда доберемся до места, не привлекай к себе внимания. По Ее команде откроешь рот. Если ты не услышишь Ее приказа, не волнуйся. Я буду рядом. А песня придет сама. Не останавливайся, пока все не закончится. Ты все поняла?

Миака кивнула, глядя на меня с доверием и ужасом.

Странно объяснять, как спасти собственную жизнь ценою чужих. В тепле и тишине Южной Америки я почти забыла, кто я такая. Но сейчас, когда над нами нависла необходимость выполнить свой долг, я снова ненавидела себя. И жалела Миаку. Меня забрали во время одного из кормлений Океан, так что мои услуги понадобились не сразу. У меня было время, чтобы привыкнуть к новой жизни. А вот Миаке повезло меньше. Но, когда все закончится, мы с Мэрилин сможем утешить ее, и девушке еще долго не придется опасаться повторения. Роль старшей сестры прибавила мне спокойствия и уверенности в себе. Я стану кем угодно, лишь бы помочь Миаке.

Мы подошли к воде. Я не раздумывая вступила в приливные волны, но Миака остановилась в паре шагов. Ее лицо исказилось ужасом, дыхание стало быстрым

и прерывистым. Она боялась Океан. Ведь она не умела плавать и только что утонула. Смешные тревоги по сравнению с тем, что нам предстояло, но Миака этого не знала.

– Не бойся воды. Теперь Океан – твой друг. Она не причинит тебе вреда. – (Миака замерла на месте.) – Доверься мне. Я не дам тебя в обиду. Заходи в воду.

Неохотно, крохотными шажками девушка двинулась к ленивым, вязким волнам. Вдали от берега Мэрилин и Эйслинг погрузились в воду полностью, и я услышала испуганный выдох новой сестры.

– Видишь, с ними ничего не случилось. И с тобой тоже все будет в порядке.

Я потянула Миаку за руку, и мы погрузились в Океан. Миака задержала дыхание, и я поневоле рассмеялась.

Когда мы начали двигаться, Миака попискивала, но успокаивалась каждый раз, стоило мне сжать ее руку. Она запоздало дернулась, когда водой сорвало одежду, но горевать не стоило – ее вещи мало отличались от лохмотьев. С другой стороны, я понимала девушку: страшно оказаться голой перед тремя незнакомыми женщинами. Появление великолепного, под стать нашим, платья привело Миаку в восторг. Я видела ее взгляд, пока нас несло вперед. В новом обличье Миака завораживала. Черные волосы развевались, она выглядела загадочной и элегантной. Девушка улыбнулась, все еще не ведая, что ей предстоит сделать. Мне не хотелось портить Миаке праздник. Океан позаботиться об этом и без меня. Я не хотела принимать в этом участия.

Но я была частью Ее. Я чувствовала. Пока мы плыли, я ощущала скручивающие Океан приступы голода. Они походили на мои собственные, когда я в последний раз была голодна. Миака схватилась за живот – она тоже чувствовала странные позывы. Наверное, решение Океан отпустить Миаку далось Ей нелегко. Хотя одна девочка все равно бы Ее не насытила, и Океан сама это знала. Миаке повезло, что она упала за борт одна. Да и мне тоже. Меня снова переполнила радость от встречи с новой сестрой.

Я догадывалась, что Океан, как и нам, не нравилась человеческая диета, но Она несла свой крест, и мы заодно с ней. Мы жалели забранных Ею людей, как жалеют детеныша газели в пасти льва. Да мы и сами были крохотными

газелями, которым повезло получить покровительство хищника. Но что случится со львом, если его не кормить? И что случится с теми, кто зависит от него?

Благодаря природным бедствиям и опасностям нашего мира Океан часто ждала до последнего, чтобы получить необходимое. Но на сей раз Она откладывала слишком долго. Мир оказался под угрозой потери морской кормилицы, хотя и не подозревал о нависшей опасности.

По всему миру сейчас умирали рыбы, расписание приливов и отливов сбилось, а погода медленно сходила с ума. Изменения могли заметить опытные рыбаки или метеорологи. Остальное человечество спало, занималось своими делами и не знало, что их драгоценный мирок медленно сходит с ума. Океан больше не могла ждать, и мы ощущали Ее напряжение – настолько сильное, что Она перестала походить на себя.

На подходе к выбранному Ею месту скорость нашего передвижения снизилась. Мы смогли распрямиться и поднялись, словно по лестнице, на поверхность моря. Набегающие волны казались нам твердыми, как паркет. Я уже привыкла к этой странности, но с удовольствием наблюдала за удивлением Миаки. Взяла ее за руку и огляделась. Начало темнеть, но в свете восходящей луны я без труда различала наше окружение.

Чего-то не хватало.

Я не видела на горизонте шторма. Глубина моря в этом районе отметала все мысли о подводных камнях. Вода была достаточно холодной, чтобы замерзнуть в ней, но сперва людям нужно оказаться за бортом. Поблизости не наблюдалось ни одного из привычных признаков грядущей катастрофы. Что такое? Что за опасность мы должны скрыть от глаз моряков? Неужели угроза таится в морской глади, на которой мы стоим?

Океан велела повернуться на запад. Я заметила, как Миака дернулась при звуках приказа, но затем понимающе кивнула и развернулась туда, куда смотрели мы. Я сжала ее руку, и она уставилась на меня в ожидании сигнала, что делать дальше. В лунном свете я разглядела, что сегодня все мы одеты в темно-синие платья. Никаких вкраплений зелени или песочных оттенков, лишь зеркальное отражение иссиня-черной ледяной воды.

Эйслинг присела, удобно устроившись на воде. Она прилегла, опираясь на руку, другую положила на бедро – воплощенная непринужденность. Сияющие светлые волосы рассыпались по плечам Эйслинг, она облизнула губы, чтобы те заблестели. Мэрилин опустилась за ней на колени и распустила по поверхности воды широкий подол платья, чтобы материя грациозно покачивалась в такт размеренному пульсу моря. Рыжие волосы Мэрилин развевались на ветру языками пламени. Я поставила Миаку перед собой и приобняла. Для посторонних глаз это выглядело любящим объятием, но на самом деле я хотела подпевать ей на ухо. Хотя она и сама не ошибется, когда все начнется. Наша четверка выглядела как оживший сон.

Скоро мы станем кошмаром.

Прошло несколько минут, Океан ждала правильного момента – тогда Она разрешит нам воспользоваться главным оружием. Обреченный корабль должен подойти достаточно близко, чтобы слышать нас, но не видеть. Я не знала, как далеко разносятся наши голоса, но подозревала, что на немалое расстояние. Ведь песне надо набрать силу. Она должна смутить, затем повести за собой и только потом убить. Нас желали, за нами охотились. Мы становились неведомым – и невидимым – сокровищем, нас еще нужно найти.

Она велела петь. Я кивнула Миаке.

Мы все набрали воздуха и одновременно открыли рты. Песнь вырвалась наружу сама, без нашего ведома и усилий. Она просто существовала. В ней мешались все языки, и я никогда не могла понять, что же слышу. Французский мешался с суахили, немецкий сменялся латынью. Для далеких ушей песня становилась переплетением звуков, которые казались и знакомыми, и чужими. Песня навевала мысли о милой колыбельной из детства, хотя никто не смог бы с уверенностью сказать, что слышал ее раньше. Чтобы расслышать, надо подойти поближе.

Мелодия свивалась прекрасным узлом. Человеческое ухо не могло бы его распутать. Октавы и ноты переплетались в материю невообразимых звуков. Никому не устоять. Невозможно слышать нашу песню и не пытаться найти ее источник. С каждым дюймом, пока расстояние между нами и ищущими сокращалось, ядовитое наслаждение в их ушах росло. Для некоторых оно нарастало медленнее – они страдали больше остальных.

Здравый смысл отступал. Жертва была готова утопиться. И даже если бы Она попросила нас перестать петь и логика вернулась, все равно уже было бы слишком поздно. Только горстка людей ухитрилась выбраться из наших сетей.

Прошло несколько минут. Впереди показались очертания крупного корабля. Медленно он подплывал ближе и ближе, пока не стал виден полностью. Стальной корабль с пятью высокими мачтами и развевающимися парусами. Я все еще обнимала Миаку, и та крепче прижалась ко мне и впилась мне в руки ногтями. Боли я не чувствовала. Мне хотелось обнадежить ее, успокоить. Но если я перестану петь, мое молчание будет принято за непокорность и я исчезну с лица земли вместе с другими обреченными душами на корабле.

Парусник подошел ближе, и я увидела людей на палубе. Судя по плохо освещенным силуэтам, все они были мужчинами. Они вглядывались в темноту, пытаясь разглядеть источник манящего звука. Наша кожа блестела в лунном свете, и ее сияние стало первым, что увидели люди на палубе.

– Что это? – спросил мужской голос.

– Смотрите, там, на воде, что-то блестит! – Второй голос тоже принадлежал мужчине.

Мне всегда казалось, что они легче поддаются нашим чарам.

Корабль подплыл ближе и слегка развернулся, так что вот-вот должен был пройти прямо перед нами. Я уставилась перед собой, но не смотрела на лица моряков. Однажды я уже совершила подобную ошибку. Оставалось надеяться, что Миака не повторит ее – надо было предупредить девочку. Эти прогулки на службе Океан наградили меня худшими в жизни кошмарами. В них меня хватали мокрые руки, дергали за волосы и утаскивали за собой в темную глубину. Виденные лица смотрели на меня из тишины ночи и обещали, что я буду страдать вместе с ними. Случались периоды, когда я не спала несколько месяцев кряду, лишь бы не вспоминать о них. Чтобы избежать их взглядов сейчас, я уставилась на борт корабля. На нем крупными буквами красовалось одно слово: «Копенгаген».

Моряки увидели нас, некоторые зааплодировали песне, позабыв о невозможности происходящего. Некоторые прыгнули за борт, не в силах устоять

перед зовом моря. В который раз я увидела, как люди вдыхают воду, и перевела взгляд на корабль, чтобы нечаянно не обратить внимания на отдельные лица или запоминающуюся одежду. Не надо отличать одну потерянную душу от другой. Я продолжала ждать. Где опасность? Когда она их настигнет? Моряки плыли к нам. Что, если они сумеют схватить нас?

И тут, так быстро, что я едва заметила движение, Океан открыла свои воды и проглотила корабль целиком!

От неожиданности сестры смолкли. Я ахнула. Миака уткнулась мне головой в грудь. Мэрилин и Эйслинг поспешно встали – их поразила мощь морской глади, на которой они привольно сидели. Видимо, мы хорошо сделали свою работу, потому что внезапное молчание не вызвало никаких последствий. Воцарившаяся после катастрофы тишина резала слух. Оставшиеся на плаву моряки стряхнули с себя наброшенные песней чары и взывали о помощи.

– Помогите! Спасите меня! – кричал один.

– Я не могу дышать! – выкрикнул второй.

Я отвела взгляд и повернула голову Миаки, чтобы та не смотрела на них. Так лучше. И все равно еще долгие месяцы я буду слышать их голоса. Я ношу эти звуки, как шрамы. Но мы выполнили долг до конца: медленно удалились по воде, как последнее, самое ужасное и прекрасное видение в их жизни. Мне всегда хотелось обернуться и хоть как-то показать, что я сожалею. Но ничего не поделаешь. Я не могла их спасти, не могла объяснить, и извинения ничего не изменят.

Я никогда не видела ничего подобного. Судя по реакции Мэрилин и Эйслинг, произошло что-то из ряда вон выходящее. И как это можно объяснить? Ни причин, ни даже смутных подозрений. Полный людей корабль исчез в открытом море. Семьи моряков никогда не узнают почему, никогда не перестанут гадать, что же произошло. Я бы так и сидела там и предавалась грустным мыслям, но тут заговорила Она.

Нас просили не расходиться. Вскоре Она все объяснит, но пока нужно следовать за Ее зовом.

Еще одна странность. Обычно Она позволяла нам уйти с миром – своеобразное милосердие, учитывая, что все мы утешали себя по-разному. Эйслинг возвращалась к излюбленному одиночеству, Мэрилин выпивала бокал вина. Алкоголь на нас не действовал, но сестра говорила, что вино ее успокаивает. Я погружалась в грезы наяву. Представляла себе будущую жизнь, ради которой стоит потерпеть. А сегодняшняя ночь вышла настолько внезапной и жуткой, что мне не терпелось убраться от Нее подальше. Но главным правилом нашей службы было послушание, абсолютное и безоговорочное. Так что мы направились, куда Она указала. К счастью, путешествие вышло недолгим.

Когда мы выбрались на берег, я огляделась в поисках намека, где нахожусь, но не поняла, что означает увиденное. Надписей никаких не было, и ни в одной прочитанной книге я не видела возвышавшихся на горизонте строений. В наступающих сумерках они выглядели почти красивыми. Почти.

Миака расплакалась, и я прижала ее к себе. Мне тоже хотелось заплакать, но сейчас я не могла себе позволить подобной роскоши. На кого ей положиться, если я поддамся слабости?

– Я… я убила тех людей! – выдавила она сквозь рыдания.

Мне хотелось возразить, но совесть не позволила. Ведь это наши голоса заманили моряков к смерти, но как же мне хотелось избавить младшую сестру от боли!

– Послушай, Миака. Ты сделала то, что должна была. Да, Океан отнимает жизни, но в море всегда таится опасность. Мы всего лишь помогаем маскировать ее. Ты не совершила ничего дурного.

На губах остался вкус лжи. Возможно, в словах и крылась доля правды, но я ее не чувствовала. И все же я пыталась заставить Миаку поверить мне. Я не могла оставить ее страдать.

Я ужасно за нее переживала. Мало того что ей еще рано петь, сегодняшняя песня вообще закончилась самым невероятным образом. Я никак не могла избавиться от изумления. Никакого алиби, никаких предосторожностей. Мы должны хранить секреты Океан, но где же Ее вклад?

Ранее меня переполняла безмерная благодарность Океан за то, что Она подарила нам Миаку. Сейчас же я кипела от ярости за боль, причиненную новой сестре. Почему Она так жестока?

Эйслинг расхаживала взад-вперед по берегу. Море выглядело уже лучше, волны окрепли. Я видела, что Эйслинг не терпится уйти. На ходу она то и дело поглядывала на море, а потом на песок под ногами и выглядела куда более раздраженной, чем обычно. Я устала ждать, когда она наконец успокоится, напряженное расхаживание туда-сюда заставляло меня нервничать. Все мы хотели поскорее выбраться отсюда, но надо подождать. На каком основании Эйслинг считает себя важнее остальных сестер?

Мэрилин стояла неподвижно и смотрела вдаль, в открытое море. Ее руки безвольно висели по бокам, а грудь вздымалась в размеренном ритме. Я видела только ее профиль, но не заметила в лице никаких признаков тревоги. Видимо, она уже примирилась со случившимся. Оставалось только надеяться, что и мне это рано или поздно удастся.

Мы стояли беззвучно, как бездонное небо над головами. Только Миака тихо всхлипывала. Мы ждали. Кто знал, сколько времени прошло? У нас оно никогда не кончалось.

В конце концов Океан впитала все, что нужно, и вышла к нам. Ритм моря стал сильнее и медленнее. Спокойный тембр Ее речи помог и мне отчасти избавиться от напряжения. По крайней мере, Ей полегчало. Она извинилась за сцену, которую заставила нас пережить, но ожидание затянулось слишком долго. Поклялась в будущем вести себя более осторожно. Я шепотом передала Ее сообщение Миаке, поглаживая девочку по голове. Выражение на маленьком личике отражало тот непередаваемый момент, когда ты пробуждаешься от кошмара и понимаешь, что на самом деле не спал.

Океан снова заговорила и попросила нас оставаться вместе еще немного: Мэрилин отпускали со службы.

Мы недоуменно уставились на сестру, да и сама Мэрилин выглядела удивленной. Все знали, что ее время подходит к концу, но чтобы так скоро? От новостей у меня перехватило дыхание. Неужели Мэрилин покинет меня прямо сейчас? Почему нельзя подождать еще немного? Но нечестно с моей стороны

предаваться подобным сожалениям. Пусть мне больно от потери, но жестоко желать ей даже лишний день подобной жизни. Чуть раньше мне хотелось расплакаться, но сейчас захлестнуло настоящее горе.

Сестра покидала меня. Я любила ее слишком сильно, чтобы показывать свою грусть. Никаких слез. Ради Мэрилин я буду улыбаться.

Все менялось так быстро. Я уже не вернусь в Южную Америку. Появилась Миака, а Мэрилин уходила. Может, так и должно быть: стоит привыкнуть к чему-нибудь, как почва снова уходит из-под ног.

– Я думала… думала, мне дольше осталось, – заикаясь, выдавила Мэрилин.

Возможно, так и было, но она уже не понадобится Океан до конца своего срока. Будет нечестно зря держать ее.

– Что происходит? – спросила Миака.

Интересный вопрос. Мэрилин уже видела уход сестры, но я порадовалась, что девочка задала вопрос. Мне тоже хотелось знать, как все заканчивается. Неужели так же странно, как и начиналось?

Видимо, Мэрилин знала не все. Океан объяснила, что позже они поговорят наедине. Сейчас же Она просто напомнила Мэрилин, что ее тело вскоре снова станет хрупким и ей следует соблюдать осторожность. Океан заверила Мэрилин, что никогда не будет искать ее помощи, не причинит ей вреда, но не может и обещать полной безопасности.

Момент миновал. Мэрилин часто говорила с Океан – так почему она удивлена? Ведь они обе знали, что этот день близится. Разве они не говорили о нем?

– Я буду что-нибудь помнить? – спросила Мэрилин.

Никто не знал. Она могла помнить отрывочные картины и звуки последних десятилетий, но полной уверенности не было. Скорее всего, они будут казаться ей сном. Океан никогда не расспрашивала бывших сирен об их ощущениях; Ее вмешательство лишь осложнило бы дело. Но в одном Она была уверена:

Мэрилин лишится всех воспоминаний о жизни до того, как стала сиреной. Услышав это, Эйслинг споткнулась на полушаге. Видимо, ей многое не терпелось забыть. Она стояла к нам спиной, ничем не выдавая теснящихся в голове ужасных мыслей, и молча радовалась их возможному исчезновению.

Мэрилин оглядела нас. В ее глазах сверкали слезы.

– А что будет с моими сестрами? Мы узнаем друг друга? Мы когда-нибудь встретимся снова?

У меня перехватило дыхание. Я не сомневалась, что теряю ее навсегда. Мэрилин всегда много значила для меня, но я не задумывалась, что мы значим для нее. Она встретила всех нас на пороге этой жизни и провела через самые тяжелые моменты. В каком-то смысле Мэрилин вела себя как наша мать. И сейчас дело, которому она посвятила последние сто лет своей жизни, заканчивалось. А буду ли я скучать, когда подойдет мой черед, неожиданно подумалось мне.

Есть вероятность, что мы встретимся снова, но она невелика. И конечно же, мы уже никогда не сможем поговорить с Мэрилин. Так что пришло время прощаться.

Мэрилин выпрямилась, сильная, как никогда. Первой она подошла к Миаке – прощание с ней станет самым легким.

– Я знаю, тебе страшно, но ты должна слушаться старших сестер. В тебе есть нечто особенное, Миака, не сомневайся. Ты бы не стояла здесь, если бы не была единственной в своем роде. Воспользуйся данным тебе временем разумно, и оно окупится с лихвой. Желаю тебе удачи! – Взгляд Мэрилин светился искренностью.

Миака все еще не могла прийти в себя и только кивнула в ответ. Мэрилин встретилась со мной глазами, но тут же попятилась и направилась к Эйслинг. Милосердно с ее стороны, так у меня будет время, чтобы сглотнуть слезы.

– Эйслинг, ты самый сильный боец из всех, что мне доводилось видеть. Ты не боишься вызовов, ты сильная и никогда не сдаешься. Я восхищаюсь этими качествами. Надеюсь, в следующей жизни мне удастся сохранить часть твоей силы и когда-нибудь наши пути снова пересекутся.

Эйслинг выслушала обращение с загадочной смесью эмоций на лице. На миг мне показалось, что она грустит при мысли о расставании с Мэрилин. Но выражение тут же ушло с лица, и я решила, что только вообразила его. Ответ Эйслинг подтвердил мою правоту.

– А я нет, – процедила она.

Резкая, как всегда, Эйслинг прошла мимо Мэрилин и остановилась у полосы прибоя, нетерпеливо ожидая, когда можно будет уйти. Мэрилин лишь вздохнула с бесконечным терпением. Она не могла обидеться, даже когда кто-то причинял ей боль в один из счастливых моментов ее жизни. Мэрилин сморгнула, повернула голову и встретилась взглядом со мной.

Мы обе не выдержали. Как мне справиться без нее? Неужели я всегда буду терять любимых людей? Мы ринулись навстречу друг другу и обнялись.

– О, Мэрилин! – выдавила я. Остальные слова поглотили слезы.

– Кэйлен… О, Кэйлен, ни за что не сдавайся. Я знаю, тебе пришлось нелегко, но ты должна держаться. Ты способна на многое. Я почувствовала это с самого начала. Не оставляй попытки жить. Ты можешь либо сидеть и хандрить, либо с головой окунуться в приключение. Если не терять надежды, тебя ждут поразительные годы. Подумай о Миаке. Ты займешь в ее жизни важное место. И ты столько значила для меня. Боюсь, что, когда все исчезнет, я все равно буду скучать по тебе. Попытайся получить из отведенного тебе времени как можно больше. Впитывай чудеса вокруг. Сделай глубокий вдох, Кэйлен. Держись крепче.

Я рыдала и не могла остановиться. Мне хотелось выразить, как много значат ее слова и что я обязательно постараюсь им следовать. Я стану сильной и храброй. Но я сумела выдавить лишь:

– Я тебя люблю!

В голове вертелось последнее напутствие Мэрилин, как разносящийся по вечности приказ: «Сделай глубокий вдох, Кэйлен. Держись крепче». Я слышала его уже второй раз, и оба раза он был последним наказом из уст говорившего. Мэрилин знала. Она нарочно повторила эти слова. Сестра знала, что я не

слишком смелая и сильная и мне все еще требуется поддержка. Но, кроме звучащих эхом слов, ее не будет.

– Я тоже тебя люблю.

Мэрилин расцеловала меня в щеки, крепко обняла и отвернулась. Подошла к краю прилива, на миг обернулась, чтобы взглянуть на нас, и исчезла.

Так я в последний раз видела Мэрилин живой. Она не сказала, куда отправится, но я догадалась, что, скорее всего, в Америку или Англию. И я оказалась права. В один из наиболее беспокойных годов я наткнулась на ее некролог, когда просматривала на микрофильмах старые выпуски эдинбургской газеты. Рядом с текстом находилась фотография. Возраст только украсил Мэрилин. За морщинами я разглядела привычную искру в глазах. Седые волосы по-прежнему лежали непокорными завитками. Она вышла замуж, завела семью. Мэрилин прожила тихую, но хорошую жизнь. Я счастлива, что познакомилась с ней.

В некрологе была упомянута интересная подробность, служившая мне пищей для размышлений еще долгое время. Мэрилин завещала развеять ее прах над морем. Возможно, за желанием не скрывались никакие тайные мотивы, но я все равно гадала. Многие годы после ее смерти мне казалось, что морские волны ласково баюкают меня, ведь в них покоилась Мэрилин.

Океан больше не отдавала приказов, и мы могли разойтись. Но мы с Миакой стояли, прижавшись друг к другу. Девушка еще не оправилась от недавних событий, а я горевала по Мэрилин так сильно, что не могла двинуться с места. Время тянулось медленно. Я поверить не могла, что еще днем наблюдала за юной парой на тротуаре.

Эйслинг прошагала мимо нас, направляясь к ласковым волнам. На ходу она пробормотала себе под нос «детишки» и направилась по своим неведомым делам. Я отказывалась ее понимать.

Прошло долгое время, и мы наконец-то успокоились. Я оглядела Миаку. Мне доводилось слышать, как люди жалуются на тяжелый первый день на новой работе, но Миака их всех могла заткнуть за пояс. Причем она преодолела все трудности с удивительной стойкостью. Я видела, как взрослые мужчины ломались под меньшим грузом. Оставалось надеяться, что я смогу утешить ее.

– Так, – поломав голову, начала я. – Судя по всему, теперь ты от меня не избавишься. – (Миака робко рассмеялась и кивнула.) – Куда бы тебе хотелось направиться?

– Ой, не знаю. Я никогда не уезжала из Японии. Мы можем жить там?

– Лучше не стоит. – Я попыталась вспомнить мудрость Мэрилин. – Тебя могут увидеть знакомые. И лучше уехать туда, где мы сможем побыть наедине. Тяжело привыкнуть, что можешь разговаривать лишь с одним человеком. Да и для твоих родных будет лучше, если ты просто… исчезнешь.

Миака молча приняла мои объяснения. Она не пыталась спорить, чтобы получить больше, чем я могу предложить. Я догадывалась, что до сего дня она привыкла жить в подчинении. Со мной же дело обстояло наоборот – положение любимого ребенка в семье заставляло думать, что я заслуживаю больше, чем имею. Но Миака отличалась кротостью. Если она сумеет сохранить хоть немного от присущего ей смирения, то превосходно справится со службой. Девушка огляделась вокруг, к тому времени нас окружала непроницаемая темнота.

– А можно поехать туда, где много света?

Глава 3

Если бы я приехала сюда на медовый месяц, как бы он проходил?

Муж берет меня за руки и радостно кружит на месте. Я смеюсь, и переливы смеха освещают все вокруг ярче горящих огней. Простое, но изящное платье развевается на ветру. Муж даст мне все, чего я пожелаю. Он притягивает меня к себе, и его лицо замирает в дюйме над моим. Кем бы он ни был, он невыносимо красив. Чтобы пощадить глаза, я поднимаю взгляд на металлическую паутину над головой. Сколько рук ее строили? Пальцы мужа касаются моей щеки, и мне приходится опустить взгляд. Без предупреждения я растворяюсь в поцелуе.

Романтические мечты. На самом деле меня не ждали объятия симпатичного незнакомца. Я гуляла по парижским улочкам вместе с Миакой. Та сказала, что

хочет света, и я не смогла придумать лучшего места.

Когда никуда не торопишься, время течет медленно. Конец 1920-х и начало 1930-х годов мы провели во Франции. Никто бы не рискнул сказать, что Париж стоит на берегу моря, так что мы часто ездили на побережье. Порой я задавалась вопросом, чем руководствовалась Океан, когда выбирала нас двоих. Ведь мы были так молоды. Я мало знала об истории сирен, но Ее выбор казался мне плохой идеей. Повезло, что нашими воспитательницами стали ответственные сестры, иначе я бы чувствовала себя совершенно беспомощной.

Мы жили в квартирах незнакомцев. Забраться в пустое жилище совсем несложно, и, понаблюдав несколько дней, мы знали, где располагаются обставленные, но временно необитаемые комнаты. Мы тихонько пробирались внутрь, слушали доносящуюся из-за стен музыку, нежились на кроватях, а потом исчезали. Совсем несложно, если держать глаза открытыми. Жаль, что этим талантом пользуются лишь воры. И мы.

Так мы и жили. Мы не нуждались в еде и пристанище на ночь, но через какое-то время прогулки наскучивали. На ночь магазины закрывались, смотреть было не на что, так что до утра мы возвращались домой. Океан находилась слишком далеко, чтобы проводить время с Ней. К тому же мне не нравились здешние воды.

Из Парижа мы отправились в безмолвное путешествие по Европе и наслаждались красотами до самой Великой войны. Мне хотелось посетить Лондон, но все же я держалась от него на расстоянии. Это место, даже одно только название, преследовало меня. Не уверена, что когда-нибудь поеду туда. Может, после того, как обрету собственную жизнь. Этот город таил в себе своего рода невысказанное обещание. Но пока ему, как и многому другому, придется подождать.

Война заставляла меня нервничать, подобно всем непредсказуемым событиям, ведь мы с Миакой и так ощущали себя чужаками в мире людей, но в какой-то мере она пошла нам на руку. Благодаря войне Океан не нуждалась в наших услугах, чему мы не могли не радоваться. Хотя Эйслинг, может, и расстраивалась в своем тайном укрытии. Имея столько свободного времени, мы отмечали смену годов и десятилетий только по сборам сестер. Происходящие при кормлении Океан катастрофы поражали, и только они казались настоящими в одинаковом течении дней. Порой мы пытались следить за временем года и

отмечать человеческие праздники, но исключительно для развлечения. Жизнь происходила вокруг меня, но не со мной.

Я наблюдала за матерями, но не могла заиметь собственного ребенка. Смотрела на женщин за прилавками магазина, на университетской скамье, но работа и учеба были закрыты для меня. Нам приходилось держаться в тени, так что мы до тонкости отточили искусство незаметного наблюдения за людьми. Иногда подглядывание доставляло удовольствие. Особенно легко на сердце становилось от наблюдения за детьми. В них столько энергии. Дети всегда доставляли мне невообразимую радость, но порой, когда я видела светящуюся от счастья будущую мать, мне приходилось прятать от Миаки лицо и плакать. Ради нее я хотела быть сильной.

После наблюдения за парочками их действия вплетались в мои мечты о безликих возлюбленных, которые обнимали и целовали меня. Иногда я оставалась тем, кем была наяву, – грозным существом, несущим разрушения. Но порой я возвращалась к девочке из прошлой жизни и подхватывала историю с того момента, где она оборвалась. Фантазии вызывали тоску и томление, но, поскольку не в моих силах было ускорить течение времени, оставалось только молча терпеть.

Помимо разрывающих меня эмоций, ничего достойного внимания не происходило. 1930-е и 1940-е прошли для нас тихо, даже Океан призывала на службу всего пару раз.

Жизнь с Миакой сильно отличалась от компании Мэрилин. Мэрилин любила поболтать, как и я, а вот Миака редко открывала рот. Я не уставала ей напоминать, что со мной разговаривать можно, мне это не повредит. Но девочка отвечала, что не привыкла заговаривать первой. Поэтому я начала задавать ей вопросы. Сначала я узнала все, что могла, о ее прошлом; странно, но воспоминания Миаки пропадали быстрее, чем мои. Затем я постаралась узнать ее мнение обо всем на свете или хотя бы добиться того, чтобы у нее появилось собственное мнение. Сближение шло медленно. Наши с Миакой истории оказались чем-то похожи. Подобно мне, она родилась старшей в семье и имела двух братьев. Но если меня любили и баловали, Миаку терпели поневоле. Ее родители хотели сыновей. Девочка не могла выполнять тяжелую работу и не имела в их глазах никакой ценности.

Она сама так и сказала: ценности.

Миаке поручали помогать на рыбацкой лодке братьев, поскольку мать была занята хозяйством. Родителей не смущало, что дочь боится моря. Несколько лет подряд малышка Миака плакала каждый раз, когда ее ставили на палубу. Затем, видя, что слезы ничего не меняют и только злят старших, она научилась подавлять свой страх. Девочка не умела плавать и привыкла говорить тихо. Когда в особо ветреный день она упала за борт, никто и не заметил. Получилось, что семья потеряла старшую дочь только потому, что отказывалась прислушаться к ее мольбам. Я не сомневалась, что исчезновение ребенка, даже не самого любимого, станет горем для любой матери. И как же странно, что Океан, которой она так долго боялась, стала ей своего рода приемной матерью и защищала от любых опасностей.

Я пыталась показать ей мир и рассказать о нем. Миака даже не представляла, какой он большой. Ей так тяжело давалось говорить о своих чувствах, что я начала спрашивать ее мнение о сущих пустяках. Что ты думаешь о платье той женщины? Смотри, из каких красивых камней сложена стена, тебе нравится? Какие фигуры ты сегодня разглядела в облаках? Любые мелочи, лишь бы заставить ее разговориться. Видимо, все эти незначительные, требующие внимания к деталям вопросы задели в Миаке какую-то струнку. Когда она поняла, что я не прекращу их задавать, сестра начала приглядываться к миру и стала замечать многое, ускользавшее от моего взгляда.

– Смотри, какой оттенок, – ни с того ни с сего однажды заявила она.

– Где? – спросила я.

Мы говорили тихо. Из квартиры сверху доносились будничные звуки, и мы старались быть особенно осторожными. Я выглянула на улицу из окна нашего пустого, безопасного жилья. Город двигался в беспорядочном танце ежедневных забот. Должно быть, предыдущие жильцы были творческими людьми. На полках стояло множество книг, банки с краской и музыкальные инструменты. Самое интересное место из всех, где нам доводилось пожить.

– В небе. Видишь, где солнце прорывается сквозь облака. Такой интересный оттенок желтого.

– Действительно красиво. – Я улыбнулась оттого, что Миака заговорила свободно.

– Не только. Смотри, цвет яркий и в то же время приглушенный. Блестит, но не обжигает взгляда. Просто чудо, что существует такой оттенок.

Я восхищенно уставилась на нее. Я даже не догадывалась, что Миака способна на подобные размышления, а в голове у нее вертятся слова «приглушенный» и «чудо». Вскоре после того случая Миака начала описывать то, что вспоминала из прошлой жизни. Свой дом она помнила прекрасно, но рассказывать о крохотном, тесном строении было нечего. Меня поразили выбранные ею обороты: «ветхие от времени стены» и «дом был таким коричневым, что казалось, будто вырос из земли». Да уж, когда Миака решала заговорить, из ее уст выливались очаровательные сравнения.

Решение отправиться сначала во Францию стало своего рода пророческим. Миака полюбила живопись. Поскольку тогда она не умела описывать окружающий мир словами, то прибегла к картинам. Ловкие руки мелькали над холстом днями напролет, ведь мы не нуждались в отдыхе. Когда я проходила мимо, то останавливалась посмотреть, как белая бумага расцветает образами. Миака обладала талантом, о котором даже не подозревала.

Мне потребовалось несколько лет, чтобы добиться ее доверия, но потом я начала понимать характер новой сестры. Миака поражала вежливостью, чувством юмора и теплотой. Не оставалось сомнений, что она умная и утонченная. С каждым годом я все больше благодарила Океан за то, что Она пощадила девушку. Я испытывала благодарность не только за ее общество, меня радовало, что Миака получила возможность стать тем, кем являлась сейчас. В крохотной деревеньке, в роли нелюбимой дочери ее лучшие качества вряд ли смогли бы расцвести.

Вместе мы впитывали все доступные впечатления. Ходили в музеи и на выставки. Я восхищалась картинами и статуями. И как человеческая рука оказалась способна создать такую божественную красоту? То, на что у Миаки уходили дни, люди с их неповоротливыми телами творили месяцами. Миака видела в них еще больше, чем я, и пыталась вести заметки о своих впечатлениях. К сожалению, писала она по-японски, и я не понимала ни слова. Это означало, что, когда мы доберемся домой, меня ждет неиссякаемый поток слов. Он не остановится, пока Миака не выскажет вслух каждую мелочь, которой наслаждалась в той или иной картине. Миака нашла в творчестве отдушину.

Я завидовала, что мои желания удовлетворить не так просто.

Мы также получали удовольствие от всевозможных блюд. Не знаю, сколько разных кухонь мы перепробовали. Брали с собой французский разговорник, шли в кафе и показывали пальцем на нужные фразы. Нам повезло, что большинство официантов охотно помогали. Моим излюбленным лакомством стали пирожные, но я не брезговала и фруктовыми кексами, и булочками. Я помнила американскую еду, хоть и смутно, а с Мэрилин мы изведали пряный, яркий вкус испанских блюд. Французская кухня оказалась вкусной, ей следовало отдавать должное без спешки. Так что мы не торопясь шли от открытия к открытию.

Когда расхаживать по городу надоедало, мы шли в кинотеатр – наше любимое развлечение. А после фильма еще долго обсуждали актеров и запомнившиеся сцены. В кино уже пришел звук, так что фильмы стали гораздо интереснее, чем мне помнилось по прошлой жизни. Я жаждала хороших мелодрам – они стали моим прибежищем. Вечером, после похода в кино, я переживала всю историю заново в своем воображении, только с собой в главной роли.

Возможно, когда начнется вторая жизнь, я стану актрисой. Уже несколько лет я разыгрываю нормальную, ничем не примечательную девушку. Может, я смогу играть и другие роли. А может, и нет. Еще не прошло и трети моего срока, а я уже устала от притворства.

Я не могла высказать свои мысли вслух, но все эти годы злилась на Океан. Моя теперешняя жизнь вращалась вокруг служения Ей, и тем не менее я не желала иметь с Ней никаких дел. Я томилась от скуки. Мир вокруг кипел разнообразием, но я не хотела смотреть на него со стороны – мне хотелось стать частью этой жизни. А когда скука бесцельных блужданий прерывалась, я участвовала в событиях в самой омерзительной роли – в роли убийцы. Я пыталась отвлечься, но все вокруг казалось таким пустым, что забыться надолго не удавалось. Долгие годы я провела красивой, ядовитой бродягой. Никакие слова не опишут моих чувств. Никогда не представляла, как одиночество способно измотать душу.

Даже рядом с Миакой мне казалось, что никто не сможет дотронуться до меня. Несмотря на красивую внешность, я чувствовала омерзение к себе. Если мне требовался совет, Океан никогда не отказывала в помощи, и все же я постоянно пребывала в смятении. Когда-нибудь это должно закончиться, но когда? На дворе стоял 1945 год. Еще семьдесят шесть лет. Семьдесят шесть лет тишины, смертей и одиночества. Я ощущала себя словно на дне глубокого колодца:

видела свет и точно знала, что мне не выбраться. По крайней мере, пока.

В конце 1940-х мы покинули Европу, чтобы познакомиться с загадочными землями Египта, Марокко и Греции. Классический выбор. Благодаря своей истории эти страны словно замерли под натиском времени. Во время путешествий наконец-то случилось что-то примечательное: у нас появилась новая сестра.

Девушку из Южной Африки звали Ифама, и она присоединилась к нам зимой 1953-го. Мы с Миакой с радостью ее приютили. Эйслинг даже не предложили пожить с новенькой. Ифама отличалась необычной красотой. Сильная и темная, как внешне, так и в душе. Меня против воли тянуло к ней. В ее поведении проглядывало что-то величественное, может, потому, что ее прошлое оставалось загадкой. Ифама не захотела рассказывать, как оказалась в море, а мы не настаивали. Океан не зря выбрала ее, как и всех нас, значит, Ее восхитило какое-то качество новой сестры. Я бы поставила на гордость. Даже сидя на пустом берегу после того, как Океан ее пощадила, Ифама не рыдала, как я в свое время. Она даже не вздрагивала, как Миака. По ее щеке то и дело стекала одинокая слеза. Было видно, что Ифама сдерживается изо всех сил, но слезинки выдавали ее горе. Я догадывалась, что, когда она попросила у Океан пощады, девушка не подозревала, что ее ждет. С другой стороны, никто из нас не знал. Я объяснила правила; Ифама выслушала их с сомнением. Не сразу, но она согласилась.

Ифама не разговаривала. Если Миака поначалу чуждалась меня из-за врожденной робости, Ифама не выказывала желания вступать с нами в беседу. Мы делали все, что могли, лишь бы вовлечь ее в разговор. Я попробовала метод, который показал успех с Миакой: расспрашивала о ее семье, чтобы Ифама вспоминала о них.

– У меня были мать, отец и сестра. Мы любили друг друга. Теперь меня нет.

Она заканчивала фразы, не оставляя места для продолжения. Казалось, что Ифама не хочет думать о прошлой жизни. Я ее не винила: тяжело оставлять позади любимых людей. Так что я начала расспрашивать ее о мелочах.

– Что ты думаешь о платье на той женщине? – как-то спросила я.

– Обычное платье. Нельзя судить людей по одежде.

Окончательно и бесповоротно. Может, у нее такой характер и ей не нужны пустые разговоры. Но ведь всем нам что-то нужно, правда? Возможно, Ифама просто не знает, как сблизиться со мной. После нескольких безуспешных попыток я обратилась к Миаке.

– Меня беспокоит Ифама, – призналась я как-то вечером.

Мы тогда жили на Суматре. Маленький дом на краю тропического леса стоял заброшенным, и мы сделали его своим прибежищем. Ифама была в доме. Мы с Миакой сидели на поваленном дереве.

– Меня тоже. Не знаю, что делать.

Такая добрая девочка. Ей, как и мне, тоже хотелось помочь Ифаме. Мне становилось больно от одной только мысли, но ради всех нас я должна была попытаться.

– Помнишь, как ты стеснялась в первое время? Может, Ифама тоже застенчива. Возможно, ее смущает, что нас здесь трое. Ты могла бы поговорить с ней наедине. – Я замолчала. Миака либо перепугается, либо с радостью ухватится за предложение.

– Думаешь, у меня получится? – Она выглядела потрясенной оттого, что я верю в ее способности.

– Конечно, Миака. Ты же теперь старшая сестра. И ты очень добрая и отзывчивая. Готова поспорить, что, если оставить вас наедине, Ифама откроет тебе душу. – Я снова замолчала, оставив предложение висеть в воздухе.

Миака погрузилась в раздумья:

– Куда ты поедешь?

– О, пока не знаю. – Я сделала бравую мину. – Куда глаза глядят. Но обещаю, что вскоре вернусь. Пару недель, в крайнем случае месяц. Затем я вернусь к тебе и

твоей новой подруге. Вполне возможно, что вы прекрасно обойдетесь и без меня, – подмигнула я.

– Не говори глупостей. Я всегда буду любить тебя.

На этом мы договорились. Я уехала на следующий день под предлогом, что хочу побыть наедине с Океан. Далеко от правды, но я не хотела создавать у Ифамы впечатление, будто собираюсь сбежать от нее. Пусть лучше думает, что я регулярно совершаю вылазки к побережью.

Когда я оказалась достаточно далеко от сестер, чтобы они не могли меня слышать, я разрыдалась.

Я ненавидела оставаться в одиночестве. Все мое естество бунтовало против того, чтобы пробыть наедине с собой дольше нескольких часов. Я нуждалась в людях, а они должны были нуждаться во мне. Но ради сестер – единственного, что у меня оставалось в этом мире, – я готова годами сидеть одна и плакать. Я любила их.

С Суматры я не уехала. Даже не стала сообщать Океан о нашем намерении. Я отправилась в северную часть острова и поселилась в дупле. До сих пор не люблю вспоминать о том времени.

С огромным трудом я продержалась две недели. Я надеялась, что Миаке хватило времени, но все равно терпеть больше не могла. Мне требовалось вернуться к ней и Ифаме. Войдя в дверь, я сразу поняла, что у сестер ничего не получилось. Миака раскрашивала ягодным соком тонкие листы бумаги. При моем появлении она подняла голову, чуть улыбнулась и кивком указала на дверь в другую комнату.

Я прошла во вторую половину крошечного домика. Ифама принцессой восседала на пне, который мы использовали вместо стула. Она смотрела в окно с загадочной улыбкой, словно ее полностью устраивало сидеть неподвижно и рассматривать воздух. Ифама постоянно была погружена в свои мысли и не выглядела недовольной. Откуда нам было знать, о чем она думает, что планирует, возможно, с самого начала?

Мы стояли наготове в открытом море. Когда подошло время петь, Ифама отказалась открывать рот. Океан даже предупредила ее и дала второй шанс присоединиться к песне. Мы уже были захвачены моментом и не могли остановиться, чтобы уговорить сестру. Я видела, как Миака с отчаянием дергает Ифаму за руку. Но та просто стояла на воде с упрямо сжатыми челюстями.

Когда Океан затянула ее под воду, Ифама тихо охнула.

Мы с Миакой продолжали петь сквозь слезы. Эйслинг стояла передо мной, так что я не видела ее лица. Она лишь медленно покачала головой. Песня разносилась привычной за два десятилетия трехголосой гармонией. Новый голос так и не присоединился к ее великолепию, и поток слез не нарушил плавность мелодии.

Миака переживала потерю Ифамы особенно тяжело. Девочка считала, что она подвела сестру, что, если бы она постаралась, Ифама могла бы остаться и вырасти, как она сама. Миака во всем винила себя. Мы регулярно забирали жизни. Смерть не была для нас чем-то новым, но всегда оставляла за собой боль. И эта боль только усиливалась, если мы знали погибшего, восхищались им.

Я сама переносила гибель Ифамы не намного лучше Миаки. В то время я не могла точно понять почему, но горевала не только от неожиданной потери сестры. Мэрилин тоже покинула нас неожиданно, но сейчас я испытывала совершенно другие чувства. Мне потребовалось много дней, чтобы разобраться, что меня мучает. Не только уход еще одной сестры, а сама Ифама. Она все продумала заранее и специально держалась особняком. С самого начала она не собиралась причинять людям боль. От ее поступка я острее ощущала свою слабость.

Через несколько дней после гибели Ифамы мне тоже пришлось покинуть наш домик. Пару месяцев назад жизнь в лесу, в одиночестве, казалась мне добровольным заключением. Но сейчас изоляция представлялась спасительной нитью, словно лишь она могла помочь мне пережить катастрофу.

– Не оставляй меня одну, – взмолилась Миака.

Я не хотела причинять ей дополнительные страдания, но больше не могла выносить ее горе вдобавок к своему.

– Миака, я тебя очень люблю. Но мне нужно многое обдумать. И какое-то время побыть одной.

– О чем тебе надо подумать? Ты же не собираешься последовать за Ифамой? Пожалуйста, не поступай так со мной!

Миака закрыла лицо руками. Она терпела нашу службу, потому что у нее не было другого выбора, но натура ее не выдержала бы новых потрясений.

– Нет, нет. Я никогда так с тобой не поступлю. Ты нужна мне не меньше, чем я нужна тебе. Я не оставлю тебя одну, и уж точно не таким образом, – заверила я, обнимая Миаку и пытаясь ее успокоить.

Лучше не говорить, что мне приходила в голову мысль последовать примеру Ифамы. Пусть и ненадолго, но приходила.

– Тогда зачем тебе удаляться? Оставайся со мной. Если хочешь, можем переехать на новое место. Я готова отправиться куда угодно.

– Посмотри на меня, Миака. – (Она послушно подняла голову.) – Мне просто нужно побыть одной. Я вернусь к тебе, обещаю. Знаю, ты так не считаешь, но, возможно, тебе тоже надо подумать. Я не исчезну навсегда. Клянусь.

Разговор повторился несколько раз, прежде чем Миака позволила мне уйти. Я старалась не раздражаться и помнить, что она росла нежеланным ребенком. Я обратилась к Океан и попросила отправить меня в Америку. Прошло достаточно времени, чтобы можно было без опаски вернуться на родину. Дорога промелькнула быстро. Я сама попросила и больше не сказала Ей ни слова. Должно быть, Она и так знала мои мысли, ведь я не обладала достаточной дисциплиной, чтобы их скрыть. Но Океан не трогала меня.

Поступок Ифамы, ее дерзкое нарушение правил, оставил на сердце тяжесть. И я наконец осознала почему: Ифама оказалась храбрее меня.

Я старалась убедить себя, что я не такой уж плохой человек. Послушна. Согласна поступиться желаниями и всегда выполнять свои обязанности. В конце концов, пока я здесь, никому другому не придется занять мое место. Я отдала

себя. Но Ифама… Она отдала свою жизнь, потому что не хотела отнимать чужую. Как ни погляди, но она настоящая героиня.

Несколько месяцев я прокручивала эти мысли в голове. Поскольку я понятия не имела, что делать с обуревающими меня эмоциями, то дулась на весь мир и погружалась в депрессию. Мне казалось, что единственный способ все исправить – это пойти к Океан и испросить позволения умереть.

Но я не могла. Не потому, что боялась, хотя страх тоже играл роль. Ведь я уже отдала Ей тридцать лет, и мне не хотелось, чтобы они пропали понапрасну. А еще потому, что я разобью Миаке сердце. И я подведу Мэрилин. А если я подведу Мэрилин, то, если верить ее словам, я подведу и свою семью.

Я просто не могла так поступить. Я недостаточно смелая. И никогда не наберусь храбрости подставить себя под удар ради кого-то еще.

Я бесцельно бродила по Восточному побережью Штатов. Америку я не видела с тех пор, как отправилась в то бессмысленное морское приключение. После трагедии с Ифамой мне захотелось побывать в родных краях. Плавать вдоль американского побережья – лучшее, что пришло мне в голову.

Я знала, что раньше жила в Огайо, но не помнила, где именно. Интересно, жив ли еще мой брат Алекс? Или его звали Алан? Нет, все же Алекс. Может, если навестить его, я почувствую близость к прежней жизни, такой простой и чинной? Но я не знала, где его искать. Я одинока. У меня больше нет семьи.

Есть ужасная Эйслинг и есть Миака, настолько милая, что не поймет моих метаний. И еще есть Океан, но, если честно, я не знала, что о Ней думать. Несколько месяцев я решала, не пришло ли время нам поговорить.

Я молча ездила по Штатам и в конце концов остановилась на время в Полис-Айленде, Южная Каролина. Я заняла пустовавший пляжный домик мистера и миссис Паттерсон. Как и многие другие, они уехали на зиму, и я тихо поселилась в пустых комнатах. Хозяева отличались ужасным вкусом в выборе мебели. Хорошо, что я не ожидала гостей.

Та Америка, которую я помнила, и сегодняшняя Америка казались совершенно разными странами. Я наблюдала за поступью прогресса в Европе, но здесь все

происходило гораздо быстрее. Хорошо, что я могла скрыться от всех. Мир развивался слишком стремительно.

Днем я прогуливалась по песчаному пляжу, пытаясь собраться с духом, чтобы поговорить с Океан. Мэрилин постоянно с Ней беседовала, так чего мне бояться? Но я не знала, сумеем ли мы подружиться. Раньше я обращалась к Океан только тогда, когда нам требовались деньги. Вы даже не представляете, сколько денег пропадает в море. И Она щедро давала все, что нужно. Ценности вымывало приливом – столько, сколько мы могли унести. Мы не имели домов и машин, чтобы доказать свою обеспеченность, но все же мы были богаты.

Ночью я пряталась в домике и боялась подходить к Ней. По какой-то нелепой причине я считала, что Она отдыхает. Как глупо. Так что я смотрела на Нее из окна.

Столько времени я избегала Океан, не доверяла Ей, винила в своих бедах, что сейчас не знала, как к Ней подойти. Я боялась, что начну кричать и разозлю Ее. С другой стороны, я даже не знала, захочет ли Она говорить со мной. Поэтому ждала, пока что-нибудь произойдет.

Полис-Айленд поражал красотой. Если и прятаться где-то от мира, то почему бы не здесь. Дом Паттерсонов стоял последним в ряду вдоль дороги, что тянулась по берегу и заканчивалась небольшой парковкой. Бухта имела форму полумесяца, словно песчаный пляж обнимал Океан. Я бы не удивилась, если так и было. Да, я тяжело привыкала к отведенной мне судьбе, но остальной мир ликовал от Ее присутствия.

Маленькая, уединенная бухта в это время года была почти пуста. Иногда ночью в дюнах останавливалась машина с молодой парой. Они гасили огни, и окна потели изнутри.

Я ревновала.

Однажды ночью, после целого дня, проведенного в борьбе со злостью на себя, на Океан, снова появились подростки и несколько часов целовались в своих машинах. Я была так расстроена, так завидовала, что едва удержалась от желания подкрасться поближе и заговорить, лишь бы избавиться от них. К счастью, здравый смысл остановил меня. Я бы не смогла жить после такого

поступка. Это был долгий год, и некоторые дни выдавались очень тяжелыми.

Мне до боли хотелось, чтобы меня любили. Это было самое сильное желание, которое я испытала до превращения в сирену, и оно осталось со мной. Не знаю, чего хотела Эйслинг, но Миака всегда мечтала творить. И сейчас она получила возможность воплотить все свои идеи. А Мэрилин хотела измениться и вырасти из роли страдающей от измены девушки, и она полностью достигла своей цели. Многие детали из нашего прошлого исчезают, и никакая сила не может их удержать – словно ветерок, они выскальзывают из рук. Но самое главное остается, прячется глубоко внутри, разрастается, от чего болит и страдает сердце.

Так что когда в дюнах появлялись автомобили, их приезд отдавался у меня в груди физической болью. Я понимала, что целующиеся на заднем сиденье подростки вряд ли охвачены настоящей любовью. Но их страсть была намного сильнее, чем те чувства, в которые иногда с годами превращается любовь. Я уже видела подобные сцены: мужчины и женщины за обеденным столом, разделенные стеной тишины, будто незнакомцы. Видя, как свободно ведет себя молодежь, я подозревала, что они правы. Но если говорить начистоту, я бы не отказалась и от второго варианта.

Подростки стали лишь одной из многих причин, досаждавших мне в тот год моего заключения. В мире, где я выросла, я уже стояла на пороге замужней жизни. А потом возникла пауза длиной в столетие, и все это время я ожидала несбывшегося.

Но гораздо больше меня беспокоила растущая депрессия. Поступок Ифамы заставил меня сомневаться в собственных решениях. И все же я знала, что единственный выход для меня – это ждать. Надо обязательно поговорить с Океан. И на сей раз разговор пройдет по-другому. Мы поговорим о личном. А что, если Она устала? Или занята? Или я Ей просто не нравлюсь? У меня не было причин считать иначе.

В конце концов, после месяцев ожидания, когда я полностью смирилась с возможностью, что Она просто не захочет меня видеть, я сошла к берегу. День выдался пасмурный, и вокруг никого не было. Да мы и так не будем говорить вслух.

Хотя Она, по сути, пребывала во всем вокруг, чтобы поговорить с Ней, мне требовалось находиться в воде. Намокнуть под дождем. Зайти в реку. Даже глубокая лужа могла помочь. Вода в раковине и душе не подходила – она текла по трубам, изолированно. Только органические воплощения Океан были связаны вместе. А нам предстоял серьезный разговор, и я хотела быть поближе к источнику силы.

Я неглубоко, по щиколотку, зашла в воду.

Привет. Даже в голове мой голос звучал до глупости робко.

Да. Она меня слушала.

Я хотела сказать… Нет, все в порядке. Просто… мы можем поговорить?

Она пришла в восторг. Я не ожидала подобной реакции. Оказывается, никто не разговаривал с Ней после ухода Мэрилин. Мне и в голову не пришло, что Ей одиноко и Она тоже чувствует себя заброшенной. Часть моих волнений растаяла, хотя и не все.

Как Ты?

Я ощущала Ее счастье. Обычно в Ее присутствии меня настолько поглощали собственные чувства, что я не замечала, как начинаю ощущать Ее, стоит чуть расслабиться. Она обрадовалась, что я беспокоюсь о Ней. Никто не задумывался, как Она себя чувствует. Океан ответила, что все хорошо и надеется, что наши услуги не понадобятся Ей еще несколько месяцев.

Хорошо. Спасибо за предупреждение. Слова смешались у меня в голове. Послушай… Возможно, я переступлю черту, но я хотела поговорить о том, как мы живем, как Ты живешь. Можно?

Она спросила, трудно ли мне.

Да. Я расплакалась.

Не я первая и не я последняя. Океан заверила, что я могу спрашивать о чем угодно. Я постаралась успокоиться и только тогда заговорила.

Как все началось? Такая жизнь?

Она извинилась, но отказалась отвечать. Некоторые вопросы Она предпочитала держать в себе.

Понимаю. А сирены были с самого начала?

Нет, но Она не хотела распространяться и на эту тему.

Сколько нас уже было?

Двести шестьдесят восемь, если считать нас троих и тех, кто решил уйти, не дождавшись окончания службы, как Ифама. Не знаю, случайно или нет, но Она подтолкнула наш разговор в нужном мне направлении.

Многие решили уйти раньше времени?

Нет, не многие. Конечно, мало кого из сирен полностью устраивала их жизнь, но большинство девушек терпели до конца, чтобы получить второй шанс.

А почему так долго? Сто лет – очень долгий срок…

Так и есть. Столетний срок был выбран для удобства. Чем дольше служат девушки, тем меньше их нужно. А чем меньше сирен, тем меньше шансов, что кто-то узнает о Ее диете. А если до людей дойдут слухи, случится паника либо они полностью изолируются от Океан, что приведет к катастрофе. К тому же сиренам нужно время, чтобы привыкнуть к новой жизни. Если отпускать их слишком рано, они толком ничему не научатся, а значит, будут представлять опасность для людей.

Я не ожидала, что Ее причины настолько бескорыстны. Она всего лишь хотела не допустить оплошностей.

Твоя диета… Как ты к ней относишься?

Объяснение получилось сложным. Ей не нравилось причинять боль людям, ведь цель Ее существования – служить им. Порой Ей казалось, что Ее недостаточно ценят, но, с другой стороны, как отблагодарить Океан? Часто Она страдала оттого, что приходится убивать людей с целью в итоге спасти их. Словно разбить камень, чтобы он остался целым, разве не глупо? Но единственным выходом было саморазрушение – стоячие воды, неспособные произвести ни ветер, ни дождь, ни течение, – смерть морской фауны, а затем и всего живого на земле. Разве так страшно забирать жизни сотни людей в год, чтобы миллиарды могли выжить?

Как ты относишься ко мне? То есть ко всем нам?

Она не поняла.

Я хочу сказать, вот мы нужны Тебе, чтобы…

Меня охватила чужая волна нежности. Как получилось, что я провела с Ней столько времени и совершенно не заметила?

Океан сказала, что, если бы могла обойтись своими силами, Она бы так и поступила. Никто не должен видеть того, что приходится видеть нам, и Ее это расстраивает. В то же время Ей нравится возможность пощадить время от времени обреченную. Как найти сокровище, которое все упустили. А когда мы разговариваем, Она наслаждается нашим обществом.

Мне потребовалась минута, чтобы придумать, как продолжить. Я хотела поговорить об Ифаме и остальных, но внезапно обнаружила, что у нас много тем для разговоров. И Она хочет говорить со мной. Я чувствовала: Она скучала по мне, пока я держалась особняком. Скучала по всем нам. Мы были Ее компаньонами, но винили Ее в своей судьбе. Я балансировала на грани ненависти. И Она не могла не почувствовать моей неприязни с самого начала. Начало.

Не хочу показаться грубой, но почему Ты выбрала мой корабль?

Ответ оказался простым: на нем было меньше всего людей.

Ты можешь определить заранее?

Да. Она чувствовала вес всех жизней внутри.

Как неожиданно.

Я знаю, что нет смысла спрашивать… но почему именно я?

Ответ меня озадачил. Она сочла мои последние мысли добрыми и бескорыстными. Конечно, я думала о себе, но также и о своей семье. Она сказала, что почувствовала мою любовь к ним и не захотела губить понапрасну такое доброе сердце. И еще Она считала меня красивой.

Спасибо. А остальные?

Конечно же, Миаку Она выбрала за кротость – маленькая, очаровательная девочка. Я неожиданно поняла, как соскучилась по ней. Но следующее признание Океан меня поразило: Она оставила Миаку в живых ради меня. Она знала, что я не люблю быть одна. Должно быть, Она уже видела этот вопрос в моих мыслях и просто ждала, когда я задам его вслух.

Эйслинг, что совсем не удивительно, имела стальную волю к жизни. Она не сдавалась. Я и сама знала, что Эйслинг всегда готова бороться до конца. Ифама обладала внушающим уважение достоинством, и глупо было считать, что она поступится этим качеством после принятия в наш круг. Гордая девушка не жалела о своей смерти.

Можно спросить, как Ифама попала к Тебе?

Океан ответила, что раз сама Ифама предпочла промолчать, то Она тоже не раскроет подробностей.

Но она смирилась со смертью? В конце?

Да. Океан страдала сильнее Ифамы. Ей не хотелось отнимать у той жизнь.

А Мэрилин? Она всегда казалась такой спокойной, после… Ты же понимаешь.

Мэрилин примирилась со своей жизнью и смертью. Она понимала, что каждая жизнь должна прийти к завершению, и ее в том числе. Мэрилин не считала, что обрывает невинные жизни, поскольку все они закончатся. Каждая душа пройдет через врата. Истина, но ранее она не приходила мне в голову: умрут все. Жаль, я не догадалась расспросить Мэрилин до ее ухода.

Я осознала, что меня беспокоят не только смерти других людей, но и моя собственная. Нужно сполна воспользоваться отведенным временем. У меня впереди еще минимум семьдесят лет, хотя возможности мои сильно ограниченны. Тем не менее если я начну злиться и после каждой мелочи задаваться вопросом «а что, если?», то мои дни лишатся последней ценности. Надо жить. Надо примириться со своей судьбой. Все это лишь временно. Пусть я пока всего лишь орудие, но я отнимаю жизни не по собственной воле и не ищу возможности убивать. Трудная судьба, но это моя жизнь.

Я всплакнула. Она не торопила. Позволила мне немного погрустить. Я больше не могла стоять, вес переживаний навалился в последний раз, прежде чем его смыли слезы. Я присела в набегающие на песок волны и обхватила себя руками.

Ты считаешь меня чудовищем?

Океан успокоила меня. Назвала «душенькой». Заверила, что настоящее чудовище – это Она. Жестоко подвергать нас подобной жизни, но у Нее нет другого выбора. Ей очень жаль, что мне пришлось пройти через это, но надо быть терпеливой. Если подумать, даже жизнь сирены способна приносить удовольствие. Она хотела, чтобы я научилась радоваться своему телу, знаниям, времени. Хотя Она грустит при мысли, что мне приходится причинять людям боль, Ее утешает проблеск радости, что я и сестры получим второй шанс. Она видела наши достоинства более ясно, чем мы сами, и знала, что однажды мы станем замечательными людьми.

Океан сказала, что я красива. Она знала, что я не могу любить наполовину. В день гибели Она почувствовала мое безграничное чувство к своей семье, и даже сейчас во мне горело желание любить. По правде говоря, призналась Она, Мэрилин печалило, что придется потерять мою любовь, – кто еще будет с такой готовностью переживать за нее.

Мое сердце никуда не денется. Я еще дам ему волю, как мне мечтается, заверила Она. Но сейчас мне придется отдавать всю любовь Миаке и новым сестрам. И даже Эйслинг, если та когда-нибудь согласится принять ее. Затем, с некоторой робостью, Океан добавила, что, если однажды я не буду знать, что делать с избытком добрых чувств, Она с радостью их примет.

Если бы Мэрилин сказала мне, что подобный день наступит, я бы не поверила. Но сейчас мне до боли хотелось погрузиться в Океан и никогда с Ней не разлучаться. Потому что Она любила меня как желанную дочь, какой я когда-то была. И помогла мне понять душевный покой, который обрели и Мэрилин, и Ифама. Пусть я пока его не чувствую, но когда-нибудь он придет. Однажды я примирюсь со своим выбором. Я не плохая. Мне нужно с наибольшей пользой использовать полученные на время тело и разум. Тело, разум и жизнь, для которой Она милосердно выбрала меня.

Прости, прости…

Я сидела на пляже и рыдала в Ее объятиях. Волны нежно омывали меня, и впервые я не считала их цепями. Больше всего они походили на ласковые руки.

Глава 4

После той ночи мы с Океан стали родственными душами. Я считала, что должна заменить Мэрилин и многих сирен до нее и стать Ей другом. Шло время, и я ощущала, как глубоко Она меня любит. Я стала особенной. Все мы были для Нее драгоценны, но я выделялась среди остальных, поскольку отчаянно жаждала Ее расположения. Мне следовало поговорить с Миакой и посоветовать ей быть добрее к Океан, но мне нравилось, что наши отношения с Ней были единственными в своем роде. По крайней мере, пока.

Я все ближе узнавала Океан, и Она дарила мне лучшее от себя. Меня окутывало то, чего не хватало мне уже много лет: материнская любовь. А присутствие Миаки баловало любовью сестринской.

Я никогда не заговаривала о том, как глубоко жаждала иной, опасной, немыслимой любви. Но пока придется довольствоваться тем, что есть. Томление не отпускало, но мне стало легче его контролировать.

Жила я одна. Но поскольку я часто разговаривала с Океан, одиночество меня не угнетало. Хотя я забыла большую часть свой жизни до того, как стала сиреной, Она помнила все. Всех сирен по имени, срок их службы и мелкие подробности их жизни. Но Она тщательно выбирала, какими историями поделиться со мной. Как ни странно, все они казались похожими и в то же время совершенно разными.

Теперь я лучше понимала, как Океан выбирает сирен. Роль играло не одно какое-то качество. Похоже, Она знала, что выделяет нас среди других людей. Я всегда сочувственно относилась к окружающим, но не замечала за собой этой черты, пока Она не указала на нее. Это мой дар. Все мы могли щедро одарить сестер, и наши черты дополняли друг друга. И правда, я столько почерпнула из нашей крохотной общины. Мэрилин помогла мне обрести мудрость и терпение. Миака научила вдумчивости и творческому полету. Даже Ифама привнесла что-то новое, хотя наши судьбы соприкоснулись лишь на краткий миг. И все же меня крайне удивит тот день, когда я почувствую благодарность к Эйслинг.

У нас с Океан получился своеобразный медовый месяц. Полис-Айленд я оставила почти сразу после первого разговора и какое-то время порхала по Америке, прежде чем снова надолго покинуть эту страну. Я не знала, когда вернусь сюда и вернусь ли вообще. Океан показывала мне скрытые уголки, о которых никто не знал. Она подарила мне остров. Крохотный тропический атолл – такие я видела только на открытках. Островок полностью покорил меня. Когда платье рассы

палось, я жила там голой. Я бы никогда не рискнула на подобную выходку, если бы не уверенность в полном уединении. Я нежилась в тени огромных пальм и пробовала растущие в роще плоды. Те, чей вкус мне не нравился, я считала ядовитыми.

Я исследовала лес, не боясь укусов насекомых и царапин. После двухдневной прогулки я нашла самую высокую точку на острове и вскарабкалась на вершину, чтобы оглядеться. Вокруг простирались безграничные воды. Никто не мог навредить мне здесь. Ни один из постоянно бороздящих море кораблей не появлялся на горизонте. Ничто не омрачало радости, поскольку ничто не напоминало о моих обязанностях.

Остров стал моим убежищем.

Но еще краше острова было окружавшее его море. Пляжи и морское дно устилал светлый мелкий, как пудра, песок. Порой я заходила в воду и наполовину закапывалась в него, а Океан помогала мне своим течением. Солнце сияло так ярко, что вода прогревалась, но песок оставался прохладным, и я наслаждалась контрастом. До того времени я считала, что повидала все мыслимые оттенки волн и Ей нечем меня удивить. Но здесь, в укромном уголке света, море переливалось невиданной ранее синевой. Прозрачный лед, небо, мед и дождь слились в безупречно гладкое зеркальное полотно с надломленным краем, где пенился и щекотал мои босые ноги прибой.

Вот что Она подарила мне. Место, где можно забыть, что мне приходится делать и какой грозной Она может стать. Здесь царили лишь Ее щедрость и красота. Я могла распевать во весь голос, и никто не страдал. Иногда я кричала, просто от радости. Хотя мой крик у людей вызывал ужас, каждый раз я сопровождала его смехом.

Когда я переставала нежиться в теплой воде, то позволяла себе расслабиться и помечтать. Мечты уносили меня в сотню разных вселенных. Я представляла, как вернусь сюда с любимым. Мы забудем о мире и потеряемся здесь вдвоем. Затем я воображала, как выйду замуж и приеду сюда отдохнуть с красивыми темноволосыми детьми. Разве может быть некрасивым ребенок, бегущий по нетронутому человеком побережью? Чудесное место, где мой ум наконец-то смог избавиться от всех тревог, вызванных тайным служением. К сожалению, я не могла остаться здесь навсегда.

Я провела год наедине с Океан. Убежище всегда будет открыто для меня, но нельзя забывать о своих обязанностях.

Летом 1956-го я вернулась к Миаке. Как оказалось, самостоятельная жизнь тоже пошла ей на пользу.

Я бы ни за что не нашла ее сама. Первой мыслью было вернуться в Италию, мы недолго жили там перед гибелью Ифамы. Но Океан подсказала, что Миака переезжает с места на место и дает Ей знать, где собирается остановиться.

В то время Миака жила в Индии. Она притворялась глухонемой и рисовала на улицах. В мое отсутствие девочка стала еще талантливее. Она рисовала под бомбейским солнцем и была счастлива. Люди останавливались посмотреть на художницу и иногда покупали ее работы. Мы не заводили счетов в банках, так что Миака прятала свои деньги в разных уголках мира – под камнями, на задних дворах незнакомцев. Сирены не нуждались в деньгах, я уже говорила. Океан щедро делилась с нами добычей. Но меня радовала возможность не обращаться к покровительнице с постоянными просьбами. Купить что-то ненужное, наиграться с обновкой и «забыть» ее на пороге дома достойных людей.

После Парижа мода стала одной из наших излюбленных слабостей. Если мы приезжали в место, где жители следили за последними новинками, естественно, мы следовали их примеру. Ведь нужно быть как все, правильно? Так что, когда у нас появлялись лишние деньги, мы шли за покупками. Выбор нарядов всегда доставлял удовольствие. В Индии мы носили длинные узорчатые сари – красивые, разноцветные и удобные. Намного удобнее, чем любимые в Штатах джинсы, особенно после полной наготы, которой я наслаждалась на острове. Жизнь в Индии послужила хорошим переходным периодом, хотя я по-прежнему питала слабость к красивым платьям.

Как раз перед тем, как Океан подарила мне остров, я жила в Виргинии. Океан давала мне деньги, даже когда я не просила о них. Не думаю, что Она часто так поступала. Ведь в конце концов даже Ее запасы могут иссякнуть. Но в то время Она хотела, чтобы я имела возможность выходить в люди и радоваться жизни. Первое, что я сделала, – вернула скучное, плохо сидящее платье, которое позаимствовала из корзины для стирки в пустом доме. Одеваться из чужого гардероба далеко не так весело, как пройтись по магазинам. От одежды исходил запах тела прежних хозяев, что всегда меня смущало. И еще раздражала необходимость следовать чужому стилю.

Так что я пошла и купила себе платье. Как же я его любила! Я сидела на скамейке в новом платье с узором из вишен и наслаждалась жизнью, как Она и хотела. Хранить мне его было негде, так что на остров я отправилась тоже в нем. Естественно, платье разлетелось на нитки. Мной двигала злость, но, раз я не могла оставить платье себе, пусть, по крайней мере, его лохмотья будут рядом. Я обожала то платье. Первая вещь за долгие годы, которая принадлежала лично мне. И мне пришлось с ним расстаться.

За десять лет молчаливых скитаний с нами не происходило ничего выдающегося, но все же этот период стал для меня особенным. Я меньше страдала. Даже если за весь день не случалось ничего, чтобы отвлечь меня от мыслей, я не металась ночью в тревоге. Если нам попадалось много счастливых пар, я пряталась в мечтах, но не ударялась в слезы. Миака весь день рисовала, а я восторгалась ее талантом. Ничем не примечательная жизнь, но хорошая.

Целое десятилетие мы с Миакой провели вместе, за исключением нескольких раз, когда я убегала, чтобы побыть с Океан. Я даже не искала на побережье пустые дома, чтобы навещать Ее, когда захочется. Я просто жила в Ней. Вода не вредила моей коже, как случалось с хрупкими людьми. Наоборот, мне казалось, что пребывание в Ней только красит меня. Я ложилась на воду и позволяла Ей нести меня в неведомые дали. Порой я оказывалась в арктическом море, среди плавающих льдин. Холодные синие волны поражали красотой и свежестью. Местами лед образовывал загадочную паутину. Какая жалость, что большинство людей никогда этого не увидят! Были другие берега, с поросшими густым мхом камнями, где обитали организмы, чья диета состояла из энергии Океан и солнечного света. Порой мне казалось, что я тоже так живу.

Я не могла прожить без Океан и пары месяцев. Первые тридцать лет службы я кипела от ярости при осознании, во что меня превратили. Теперь я познакомилась с Ней ближе, чем остальные сестры. Она сама признавалась, что я знаю Ее лучше, чем любая из предыдущих сирен. Я наконец-то примирилась с отведенной мне ролью, с временностью своего положения и поверила, что однажды меня ждет лучшая доля. Поэтому я позволила себе любить Ее. Все это помогло. Мне по-прежнему хотелось иной судьбы, но теперешняя жизнь уже больше не тяготила меня.

Наконец в 1966-м у нас появилась еще одна сестра. Элизабет разительно отличалась от всех нас. При первой встрече меня больше всего удивило, что девушка не плакала. Даже Ифама, изо всех сил сдерживая слезы, в итоге расплакалась. Элизабет выглядела ошеломленной, но выслушала наши объяснения с таким выражением, словно попала в сказку. Я видела, как мир постепенно меняется. Девушки становились другими – не все, но многие. Как Элизабет.

Ее красота отличалась непокорностью. Нежные локоны навевали ассоциацию с медом – не русые и не каштановые, – а загадочные глаза сияли синевой настолько глубокой, что казались почти фиолетовыми. Внешность Элизабет

изобиловала такими «почти».

Она училась в колледже и на каникулах отправилась в круиз вокруг Крита. Корабль шел по Эгейскому морю – одному из самых непредсказуемых мест на просторах Океан, особенно зимой. Буря разразилась бы неизбежно, но мы подвели капитана слишком близко к ее центру. Корабль затонул ранним утром. Элизабет оказалась одной из немногих на верхней палубе и сумела выплыть. К счастью, большинство пассажиров спали в своих каютах, и мы их не увидели. Элизабет же выбралась на палубу в жуткую качку, чтобы выкурить сигарету. В два часа ночи. Этот поступок стал первым намеком на ее характер.

И мы не ошиблись. Океан откровенно наслаждалась ее чувством юмора. Элизабет просила сохранить ей жизнь, но первой ее мыслью, когда корабль пошел ко дну, было: «Черт! Как не вовремя!»

Для нас она стала желанной находкой, но я опасалась, что Элизабет будет тосковать по оставленной позади жизни. Как и все сирены, она потеряла родных – тут мы полностью разделяли ее горе. Но девушка училась в колледже и перед смертью состояла в серьезных отношениях. Каково же было мое удивление, когда Элизабет заявила, что ни за что не променяла бы полученное время и возможность посмотреть мир на мужчину. Я хотела ей понравиться, так что не стала спорить.

Она обладала абсолютной уверенностью в себе и беспечностью. От появления новой сестры Миака пришла в восторг. Мы так радовались, что даже пригласили Эйслинг пожить вместе. Та ответила, что скорее наестся песка, спросила Океан, можно ли уйти, и исчезла не прощаясь.

– Ей явно не хватает секса, – заявила Элизабет после ухода Эйслинг.

Мы с Миакой потрясенно переглянулись и залились краской. В наше время о подобных делах не говорили вслух. Но затем не выдержали и рассмеялись – так правдиво и так невозможно звучало ее заявление.

Элизабет стала знаком новой эпохи. В качестве наблюдательницы я замечала перемены, но новая сестра стала их живым примером. Я радовалась возможности взглянуть на мир ее глазами.

пали Элизабет вопросами. Она стала первой женщиной в своей семье, кто попал в колледж. Перед круизом она как раз выбирала специализацию из двадцати возможных. Элизабет выразила надежду, что за время службы определится, чем ей действительно нравится заниматься. Но, прежде чем задумываться о будущем, надо повеселиться на полную катушку. Я начала волноваться, что у нас возникнут проблемы с тишиной и уединением. С другой стороны, Элизабет родилась и выросла в Америке, как и я. Родной язык сделает намеки проще.

В колледже Элизабет баловалась травкой и сейчас сожалела об утрате, поскольку наркотики не оказывали на нас никакого воздействия. Да и пива ей тоже будет не хватать. Я слушала ее, открыв рот. В моей юности действовал сухой закон. Видеть, как кто-то наслаждается спиртным и не боится кары небесной, – к чему тогда в мое воспитание было вложено столько усилий?

Родители уделяли Элизабет мало внимания, их любимцами были три старших брата. Видимо, в нашей общине в последнее время приживались лишь единственные дочери, обожаемые либо заброшенные. Элизабет была нежданным ребенком, и родители выдохлись, пока она росла. Но недостаток внимания пошел ей на пользу. Она выросла с идеей добиться успеха и доказать, что ничем не хуже мальчишек, в частности своих братьев. Сейчас Элизабет расстраивалась, что родители не увидят ее триумфа, но не теряла уверенности, что со временем сумеет справиться с любой задачей, стоит лишь захотеть.

– В конце концов, – заявила она, – какая разница, будут у меня зрители или нет?

Я расспрашивала ее о подробностях, чтобы девушка как можно дольше не забывала о старой жизни и поделилась с нами невероятными в своей обыденности историями. Элизабет нравилось шокировать людей. В первый день она сумела застать нас с Миакой врасплох не менее десятка раз. Но и дома она составляла в скребл ругательства, когда играла с матерью и друзьями. Все, что вызывало у окружающих пораженные взгляды, ее забавляло.

– Я не знаю, что такое «скребл», – призналась Миака.

Меня привлекала открытая натура Элизабет. Она была грубоватой, смешной и сердечной. Я также завидовала ее легкости в обращении с мужчинами. Если говорить языком моего времени, Элизабет уже разделила ложе с возлюбленным. И не одним. А ведь мы почти ровесницы! Как же изменились нравы! Мне хотелось задать сотню вопросов, но полученное в детстве воспитание одержало верх. Возможно, когда мы сойдемся поближе, я наберусь хотя бы половины ее дерзости и спрошу. Времени у нас предостаточно.

Миака показала Элизабет все хитрости нашего существования, а я сидела и наблюдала за ними со стороны. Поскольку нас стало трое, я теперь могла отправляться на вылазки к Океан, и сестры не будут чувствовать себя брошенными. Наступала новая эра. Я сложила в уме все годы. Тридцать два из них я провела в горечи, сокрушаясь, что сделала неверный выбор. Потом почти год я прожила в одиночестве, купаясь в печали и злости на Океан и себя. Затем еще год, знакомясь с Океан. И последние одиннадцать лет прошли мирно, в общении с сестрами и нашей покровительницей. Всего сорок пять лет. Плюс девятнадцать прожитых ранее. За плечами долгая жизнь, но я, оказывается, не готова к новой эпохе.

Одной из наиболее разительных перемен стала реакция на условия нашей службы. Я не знала мнения Эйслинг, но, судя по ее холодности, решила, что ей все равно. Миака притерпелась с годами, но всегда боролась с унынием после нашей работы. А вот Элизабет оказалась крепким орешком. Ее не пугало, что мы забираем жизни. Она не считала себя жестокой, скорее, я бы назвала ее бесчувственной. Чужие смерти не смущали ее. Отношение Элизабет оказалось настолько заразным, что вскоре Миака последовала ее примеру и начала относиться к кормлению Океан с долей скептицизма. Только я по-прежнему страдала. Океан понимала мои чувства и всегда предупреждала заранее. После работы мне требовалось побыть одной, подальше от нечеловеческого спокойствия Элизабет и Миаки.

Я не осуждала сестер. Если они сумели примириться со своей службой, мне оставалось только радоваться. Но я не могла. Смерть причиняла мне боль, ранила все мое естество. Эйслинг укрывалась своим одиночеством, Мэрилин выпивала бокал вина. Миака раньше рисовала, а сейчас они с Элизабет смотрели кино или бездельничали. Но я воспринимала все иначе. Поэтому на несколько дней я терялась в мечтах и строила мир, где все обстояло по-другому. Я старалась скрывать свои мысли от Океан – мне не хотелось Ее обидеть. И, чтобы не выглядеть перед сестрами слабой, я ничего не рассказывала Миаке и

Элизабет.

После одного из кормлений я отправилась на несколько дней на свой остров. Океан всегда великодушно относилась ко мне, несмотря на то, как тяжело мне давался разговор с Ней после службы. Через несколько лет после острова Она преподнесла мне еще один связанный с ним подарок. Кто-то потерял или выкинул гамак, и Она нашла его. Когда подарок вынесло на берег, я прыгала от счастья, как ребенок. На западном побережье острова стояла небольшая рощица, куда гамак прекрасно вписался. И когда я прибыла на остров в этот раз, то направилась прямиком туда.

День уже клонился к вечеру, я забралась в гамак в своем тяжелом платье и наблюдала за заходящим солнцем. Человек не в состоянии смотреть на солнце и не ослепнуть, но мои глаза прекрасно выдерживали яркий свет. Сияние успокаивало меня, завораживало. Когда солнце скрылось за широкой спиной Океан, я тут же заснула.

Не знаю, что послужило причиной, но мне приснился день, когда я стала сиреной. Многое забылось. Наша память похожа на неисправный фотоаппарат, никогда не известно, насколько четким получится воспоминание, которое мы пытаемся сохранить. Но во сне смутные образы последних минут моей человеческой жизни всплывали с поразительной ясностью.

Корабль резко сворачивает с залитых солнечным светом вод к маячащему на горизонте серому пятну. Я лежу на полу и борюсь с вызванной качкой тошнотой. Вот я на палубе, в спасательном жилете, зажимаю уши от криков. Взрослые мужчины прыгают за борт, навстречу смерти. Стена воды настолько высокая, что бежать бессмысленно, да и некуда.

Сделай глубокий вдох, Кэйлен. Держись крепче.

Под водой с меня сорвало жилет. По ногам ударило чье-то тело. Я умирала. Теряла свою семью. Теряла все, что у меня есть.

Я распахнула глаза навстречу царящей на острове темноте. Капал легкий дождь, и, хотя вода была теплой, я считала, что все еще тону. Изо рта вырвался крик.

От полосы прилива до меня донесся Ее голос, нежный и утешающий. Конечно, Она меня услышала, ведь шел дождь. Я рыдала так сильно, что сотрясалась с каждым вздохом. Я с трудом выбралась из гамака, доковыляла до берега и опустилась на песок на кромке прибоя.

Мне приснился кошмар. Уже все в порядке.

Если Она в тот момент присматривала за мной, то должна была видеть повод для слез. В любом случае Она промолчала и не стала вмешиваться. Воспоминание заново всколыхнуло все причины, почему я так долго злилась на Нее, но я не стала в них копаться. Все умирают. Каждая душа рано или поздно войдет в небесные врата. Я отмахнулась от грустных мыслей.

Через неделю я вернулась к сестрам.

Рядом с Элизабет грустить не приходилось. С самого начала она полностью открыла нам свое сердце. К тому же в ней пропадал великий комик. После первого же дня, проведенного вместе, мы решили поселиться где-нибудь подальше от людей. Элизабет то и дело отпускала шуточки, и мы с Миакой против воли разражались смехом. Удержать его было невозможно, так что единственным выходом оставалось держаться подальше от людей, чтобы не навредить им.

Элизабет постоянно валяла дурака. Когда мы ходили по магазинам, она нарочно подбирала самые невероятные наряды – дождевик с шортами, маленький лифчик и берет – и затем днями напролет ходила в них по дому. В просторных местах она устраивала грандиозные игры в прятки или салочки. Детское развлечение, но мы отдавались ему всей душой.

Я знала, что Океан специально выбрала мне в компаньонки Миаку, с ее смирением и способностью прощать. Порой я подозревала, что Элизабет тоже предназначалась мне. Возможно, Океан знала, что мне необходим постоянный комедиант. Когда меня посетила эта догадка, я позволила себе с радостью участвовать во всех ее затеях. К тому же Элизабет – моя сестра, она уникальна, и я любила ее.

В последующие двадцать четыре года мы пережили столько приключений, что хватило бы и на пятьдесят человек. Если не считать дни службы, мы стали

самыми счастливыми кочевниками в мире.

Мы бегали с быками в Испании, и не один, а целых три раза. Довольно легко, учитывая наши таланты и невозможность переломать руки-ноги. После забега мужчины покупали нам выпивку и поднимали тосты за нашу смелость. Я старалась избегать знаков внимания, но Элизабет притягивала «опасных» мужчин, как магнит. На самом деле они не доставляли хлопот, при необходимости мы могли бы постоять за себя так, как им и не снилось. Поэтому после забегов, да еще и не раз, мы засиживались в барах. Мужчины пытались с нами заговорить, но мы лишь качали головами и делали вид, что не понимаем ни слова.

В последнее посещение один из парней пытался подсыпать нам наркотик. Конечно, никакого эффекта мы не ощутили, но Элизабет разозлилась, притворилась пьяной и врезалась на его машине в столб. Парень отправился в больницу с двумя сломанными ребрами, а Элизабет ушла с места происшествия без царапинки. Она проделала все настолько естественно, что никто ничего не заподозрил. Так что, когда Океан услышала о наших приключениях, Она не сердилась. Наоборот, Ее скорее развеселило услышанное. Она порадовалась, что мы умеем постоять за себя. Элизабет поступила умно. Я бы никогда сама не решилась на подобное.

После того случая меня в первый раз посетила мысль, что правила можно обойти.

Мы отправились в поездку на слонах по африканской саванне. Жара стояла невыносимая. К счастью, наша кожа с ней справлялась. Позже я даже благодарила Океан за новое тело, поскольку мне довелось повидать прекрасные рассветы. Если бы в свое время покровительница не выбрала меня, я бы лишилась чудесного зрелища. Океан польщенно приняла мою благодарность.

Саванна, голая и выжженная, все же поражала красотой. Меня удивляло, как мало влаги нужно этому месту, чтобы выжить. Ведь я себя чувствовала лучше всего там, где много воды. Но даже сюда доставали Ее блага. В один прекрасный день я поняла, что эти сухие земли зависят от Нее и наша верная служба поддерживает их существование. Обычно мир вокруг пестрел изобилием, но саванна радовала своим минимализмом. Пусть моя работа сурова, но меня будет утешать мысль, что это место существует благодаря Ей.

Мы прошли по Великой Китайской стене, которая манила нас своей древностью. Казалось, стене давно следовало рассыпаться, но строители постарались на совесть, да и сейчас ее хорошо содержали, так что стена жила и жила, совсем как мы. Мы восхищались ею. Стена следовала ландшафту и удивляла странной красотой, как вылепленные из камня стихи. Я думала о ресурсах и рабочих: сколько их потребовалось, чтобы создать подобное творение? Мы шли по стене медленно, смакуя затраченный на нее труд.

Мы посетили десятки свадеб. Когда мы замечали празднество, то прятались неподалеку и пересчитывали гостей. Если их число переваливало за полторы сотни, мы добывали наряды и присоединялись к торжеству. В такой толпе нетрудно затеряться, и если правильно выбрать время, то можно сесть вдали от большинства людей. Мы старались держаться обособленно и стоять позади. Но, даже не желая того, часто привлекали взгляд фотографа. С нами делались сотни фотографий. Потом мы часто смеялись, представляя, что подумают новобрачные, когда вернутся из медового месяца и заметят снимки незнакомых девушек, которые танцуют на их празднике, поднимают бокалы за их счастье и с аппетитом поедают их торт.

Я не знала, сработает ли прием, но старалась откладывать в памяти все, что мне нравилось на свадьбах: броское платье или торт. Не знаю, запомню ли я их до своего бракосочетания, но почему не попытаться?

Один раз мы угнали машину! Никогда я еще так не веселилась. Элизабет умела водить и научила нас с Миакой, так что мы все по очереди посидели за рулем. Правда, мы не пытались разгоняться, поскольку не хотели разбить автомобиль. А вот Элизабет не знала страха. Когда мы находили свободное шоссе, машина едва не отрывалась от асфальта. Мы так веселились, что не могли сдержать смех – слава богу, в закрытом салоне он никому не вредил. На следующий же день мы вернули машину на парковку, помытую и заправленную. Красивый автомобиль, и мы не оставили на нем ни царапинки. Мы так и не узнали, разыскивали ли нас за угон. Никто не умел исчезать так, как мы.

И все это были идеи Элизабет. Она была прирожденной проказницей и каждые пару дней переворачивала нашу жизнь с ног на голову. Ее любимым занятием – беганием по дому голышом – мы занимались довольно часто. Я так стеснялась своей наготы, что первые несколько раз только наблюдала. Пусть я ходила по острову голой, но там все было по-другому. Там я наслаждалась личной свободой, я же не эксгибиционист!

В конце концов, через несколько лет, Элизабет и Миака уговорили и меня. И все же я соглашалась раздеваться только ночью, когда вокруг никого не было. Лучше всего на пляже – там мне было не так страшно. Пляжи стали для меня родным домом. Но когда я попробовала, то обрадовалась, что согласилась. Сдерживать смешки давалось с трудом, но тем лучше. Каждый раз, когда кто-то из нас наступал в воду, Океан видела и смеялась от радости за нас.

То, что ускользало от меня десятилетиями, внезапно обрушилось в изобилии – радость. Подлинное счастье. Я больше не корила себя за трусость. И ни о чем не жалела. Пусть весь мир считал меня мертвой, но я жила. Вот и вся разница. Наша жизнь снова напоминала детство, с его поиском простых радостей.

На поверхность начали всплывать лучшие мои черты. Я больше не чувствовала себя пленницей. Да, когда приходилось петь, я грустила, но потом боль уходила, и через несколько дней я возвращалась к прежней жизни с моими сестрами. И не важно, каким бы безумным ни казалось очередное приключение, я принимала участие в каждом из них.

Однажды Элизабет затащила нас в особняк… когда владелец был дома. Не знаю, как она это сделала. Сидя в доме, где расхаживал законный хозяин, я чувствовала себя воровкой, что глупо, поскольку мы постоянно жили в чужих домах. Я старалась не поддаваться панике. Карманы у Элизабет лопались от конфет, хотя она не признавалась, где их взяла. Так что мы лежали на двуспальной кровати в огромном доме, ели шоколад и тихо разговаривали.

– Элизабет, ты счастлива? – шепотом спросила я.

Ее голова лежала на подушке рядом с моей, а Миака растянулась в изголовье. Мы вели себя как хозяева комнаты.

– Что за вопрос? Разве не видно?

– Я имею в виду, почему ты счастлива? Ты хотела что-то доказать своей семье, потеряла прошлую жизнь, и каждый год тебе приходится заманивать людей навстречу смерти. Но тебя это совсем не беспокоит.

– Конечно, мне это не нравится, – закатила глаза Элизабет. – Но я выросла в другое время, чем вы. Я много смотрела телевизор. Каждый день в мире происходит что-то плохое. И многие катастрофы намного хуже наших песен. Они, по крайней мере, имеют какую-то цель. А знаешь, как классно осознавать, что мы постоянно помогаем спасать мир? Я всегда хотела участвовать в общественном движении, и сейчас у меня почти получилось. – (Миака даже села, чтобы слушать внимательнее.) – Мне не нравится убивать людей, – продолжила Элизабет. – Но это Она их убивает, а не мы. И пусть это страшно, но я не позволю себе унывать. Я серьезно отношусь к людским страданиям, честно. Но если переживать о каждом несчастье, что случается в мире, то когда жить, Кэйлен? Поэтому я не трачу время на грусть. Наоборот, я стараюсь развеселить вас двоих, дурочки. Миака заставляет меня вдумываться и изучать всякую ерунду. А ты… С тобой я чувствую себя так, словно могу выкинуть любую глупость, и ты все равно будешь меня любить. Не стоит волноваться о том, что мы забираем, надо думать о том, что мы можем дать. Мы не в состоянии положить конец смертям. Но подарить мы можем многое. – Вот так – сбивчиво, но в то же время предельно ясно.

Элизабет была и простой и сложной одновременно. Ведь действительно, давать можно с наслаждением. Той ночью я лежала без сна и прислушивалась в ожидании, что прислуга или другие гости подойдут слишком близко к нашей комнате. Никто не появился, так что, пока Миака и Элизабет спали на мягкой постели, я строила планы. Что я могу дать?

Шел 1990 год. Наш разговор длился меньше пяти минут, но подарил мне небывалое вдохновение.

Я хотела работать с детьми.

Когда я рассказала Океан, идея Ей понравилась, хотя Она сочла ее рискованной. Тогда я добавила, что буду работать с глухими детьми. Ведь я могу находиться рядом с ними и не представлять угрозы. Конечно, окружающие могли меня услышать, но я привыкла хранить молчание. Все будет хорошо. Я научусь языку жестов и буду преподавать. Сделаю все, что потребуется. Много лет я хандрила, потом жила спокойно, а последние годы прошли в играх и веселье. Теперь я готова внести свой вклад. Мне все еще трудно было думать об утратах, которые понесло из-за меня человечество, но пришло время вернуть долг, прежде чем я забуду о нем. К тому же я жила, чтобы любить.

Океан не стала спорить. Она по-прежнему сомневалась, но, поскольку давно выделяла меня среди других сирен, согласилась. Покровительница порылась в своих закромах и нашла для меня подходящие документы. Моим новым именем станет Кэти Ландон. Я начала ходить в библиотеки и смотреть видеоуроки по языку глухонемых. Поскольку этот язык не имел звуков, я не могла просто впитать его, как случалось с остальными. Я тренировалась с Миакой и Элизабет – они тоже начали учиться. Общаться жестами оказалось намного проще, чем писать друг другу записки на людях. И почему мы раньше не додумались?

Когда я почувствовала себя готовой, я записалась в добровольные помощники в школу для глухих на юго-западе страны. Среди детей, полностью защищенных от самой опасной моей черты, я обрела покой. Тогда я считала, что уже никогда не смогу стать счастливее.

Глава 5

Моя жизнь состояла из сплошных «почти». Я лишилась родной матери, но ее заменила Океан. Потеряла братьев, но обрела сестер. У меня не было своей одежды, но я могла позаимствовать чужую. Вместо своего дома я побывала во временных жилищах по всему миру. Я не могла поступить в колледж, но могла преподавать. Не имела своих детей, но получила учеников. Не могла влюбиться.

Как я ни старалась, но замены последнему не находила. Я продолжала ждать, что со временем это желание пройдет или, по крайней мере, поутихнет. Но лучше не становилось. Единственным средством было не думать о любви.

Обучение языку жестов заняло всего несколько недель. Все свое время я посвящала практике. В первую школу я записалась добровольцем, что оказалось достаточно просто. Добровольцам надо заполнять меньше бумаг. А документы осложняли мою жизнь, поскольку сейчас я выглядела той же девятнадцатилетней девушкой, что и в Калифорнии. И в Вашингтоне, и в Техасе.

На каждой работе меня обожали. Я подходила к ней с радостью, дружелюбием и явной симпатией к детям. И каким-то чудом дети отвечали мне взаимностью! В вестибюле техасской школы, пока я стояла у конторки, ко мне подошла маленькая девочка и обхватила за ногу. Девочку звали Мэделайн, и мы сразу же

подружились, стоило ей взглянуть мне в глаза и улыбнуться. Этих детей было так легко любить. Многих из них просто не замечали, и я недоумевала, почему люди не видят, как прекрасен каждый ребенок?

Я пришла к выводу, что мы ценим индивидуальность, но лишь до определенного предела. Когда то, что выделяет одного человека из массы, находится за пределами нашего понимания или приносит боль, мы, чтобы сохранить собственное душевное равновесие, перестаем замечать их странности, а заодно и самого человека. И к чему это приводит?

Взять, к примеру, меня. Нельзя приписать к моим достижениям дружбу с Миакой или Элизабет. Она далась мне без всяких проблем. Настоящим испытанием характера станет, если я сумею полюбить Эйслинг. Конечно, было бы намного проще, если бы та позволила хоть немного сблизиться с ней.

Несколько лет я помогала добровольцем в разных школах, где становилась практически незаменимой. Мое терпение намного превышало возможности обычного человека и никогда не заканчивалось. Позже я поблагодарила Океан за этот дар. Учителя полагались на меня, а дети легко подпускали к себе. Но со временем я всегда изобретала причину для переезда. Я говорила, что отец переезжает за границу или кто-то из родственников серьезно болен – любой повод, чтобы дать понять, что меня связывают обязательства, во мне нуждаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/kira-kass/sirena-2/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Купить: https://tellnovel.com/kira-kass/sirena-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити